

ВЕКТОР НАУКИ

Тольяттинского
государственного
университета
Серия: Юридические науки

Основан в 2010 г.

№ 2 (49)

2022

16+

Ежеквартальный
научный журнал

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Главный редактор

Кристал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук,
профессор

Заместитель главного редактора

Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент

Редакционная коллегия:

Авакян Рубен Осипович, доктор юридических наук, профессор
Боброва Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, профессор
Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор
Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор
Дуюнов Владимир Кузьмич, доктор юридических наук, профессор
Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор
Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор
Калинин Сергей Артурович, кандидат юридических наук, доцент
Кленова Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор
Корнуков Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор
Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор
Лясковска Катажина, доктор юридических наук, профессор
Моисеев Александр Михайлович, доктор юридических наук, профессор
Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор
Погодин Александр Витальевич, доктор юридических наук, доцент
Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор
Рябинина Татьяна Кимовна, доктор юридических наук, профессор
Ударцев Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор
Юношев Станислав Викторович, кандидат юридических наук, доцент

Входит в перечень рецензируемых научных журналов, зарегистрированных в системе «Российский индекс научного цитирования», в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76950 от 09 октября 2019 г.).

Компьютерная верстка:
Н.А. Никитенко

Ответственный/технический редактор:
Н.А. Никитенко

Адрес редакции: 445020, Россия,
Самарская область, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14

Тел.: (8482) 44-91-74

E-mail: vektornaukitgu@yandex.ru

Сайт: <https://vektornaukipravo.ru>

Подписано в печать 30.06.2022.
Выход в свет 12.09.2022.
Формат 60×84 1/8.
Печать цифровая.
Усл. п. л. 4,7.
Тираж 25 экз. Заказ 3-261-22.
Цена свободная.

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Криштал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор, ректор (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Заместитель главного редактора

Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент, директор Института права (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Редакционная коллегия:

Авакян Рубен Осипович, доктор юридических наук, профессор, академик Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности и Всеармянской Академии проблем национальной безопасности, ректор, профессор кафедры уголовно-правовой специализации (Ереванский университет «Манц», Ереван, Республика Армения).

Боброва Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Конституционное и административное право» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия), профессор кафедры теории государства и права (Российский университет дружбы народов, Москва, Россия).

Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия).

Дуюнов Владимир Кузьмич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия), заведующий кафедрой общетеоретических правовых дисциплин (Российский государственный университет правосудия, Северо-Западный филиал, Санкт-Петербург, Россия).

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия).

Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор, руководитель секции теории безопасности Института социальных наук и безопасности (Естественно-Гуманитарный Университет в г. Седльце, Седльце, Польша).

Калинин Сергей Артурович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь).

Кленова Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии (Самарский национально-исследовательский университет им. Академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Корнуков Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики (Самарский национально-исследовательский университет им. академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор (Правовая академия Таллинского университета, Таллин, Эстония).

Лясковска Катажина, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии (Университет в Белостоке, Белосток, Польша).

Моисеев Александр Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой правовых дисциплин (Институт экономики и права (филиал) образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений» в г. Севастополе, Севастополь, Россия), профессор кафедры «Уголовное право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса (Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия).

Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права и международного права (Самарский национально-исследовательский университет им. академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Погодин Александр Витальевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия).

Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой публичного права (Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия).

Рябинина Татьяна Кимовна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики (Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия).

Ударцев Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института правовой политики и конституционного законодательства (Казахский гуманитарно-юридический университет им. М.С. Нарикбаева, Нур-Султан, Республика Казахстан).

Юношев Станислав Викторович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Уголовное право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

СОДЕРЖАНИЕ

Уголовно-правовые проблемы защиты прав и чувств верующих Н.Ф. Ангипова, Н.Ж. Данилина.....	5
Анализ некоторых избирательных законов: ущемление демократии или гарантия стабильности конституционного строя? Н.А. Боброва, В.В. Сошников.....	12
К вопросу об оценке показаний подозреваемого, обвиняемого в российском уголовном процессе С.И. Вершинина, И.Л. Вершинин.....	22
Подкуп как форма коррупционного поведения Л.А. Маслова.....	30
Рецензия на монографию «Проблемы взаимодействия юридической ответственности и механизма обеспечения национальной безопасности» / Д.А. Липинский, Н.В. Макарейко, А.А. Мусаткина [и др.]; под ред. Д.А. Липинского. М.: РИОР, 2021. 387 с. ISBN: 978-5-369-02078-4 Г.Б. Романовский.....	36
НАШИ АВТОРЫ.....	39

CONTENT

Criminal legal problems of protection of the rights and feelings of religious believers N.F. Angipova, N.Zh. Danilina.....	5
The analysis of some electoral laws: democracy infringement or a guarantee for constitutional order stability? N.A. Bobrova, V.V. Soshnikov.....	12
On the evaluation of evidence of a suspect, accused in the Russian criminal procedure S.I. Vershinina, I.L. Vershinin.....	22
Bribery as a form of corrupt behavior L.A. Maslova.....	30
The review of monograph “The problems of interaction of legal responsibility and the mechanism of ensuring national security” / D.A. Lipinsky, N.V. Makareiko, A.A. Musatkina [and others]; edited by D.A. Lipinsky. M.: RIOR, 2021. 387 p. ISBN: 978-5-369-02078-4 G.B. Romanovsky.....	36
OUR AUTHORS.....	39

Уголовно-правовые проблемы защиты прав и чувств верующих

© 2022

Н.Ф. Ангинова, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)
Н.Ж. Данилина, следователь отдела по расследованию преступлений,
совершенных на территории Автозаводского района
*Следственное управление Управления Министерства внутренних дел России
по г. Тольятти, Тольятти (Россия)*

Ключевые слова: статья 148 УК РФ; оскорбление чувств верующих; вера; религия; свобода совести; свобода вероисповедания; чувства верующих.

Аннотация: Религиозные противоречия в многонациональных странах неизбежны, что подтверждается мировой историей. Для предотвращения конфликтов государство на всем протяжении своего существования брало под защиту религиозные чувства верующих, в том числе посредством осуществления преследования лиц, нарушивших нормы уголовного права в отношении чувств верующих. Защита религиозных чувств верующих сама по себе отвечает содержанию принципов уголовного права. Однако используемые в диспозиции статьи 148 УК РФ понятия «религия», «чувства», «верующие», «свобода совести и вероисповедания» не только не имеют законодательно закрепленных определений – их невозможно официально истолковать, поскольку своими корнями они уходят в философию, психологию и другие отрасли науки. Неточность формулировок вызывает дискуссию в научной среде и трудности в правоприменительной деятельности. Исследование посвящено изучению проблем дефиниции отдельных объективных и субъективных признаков нарушения права на свободу совести и вероисповедания (статья 148 УК РФ) и поиску путей их разрешения. Авторы проследили исторический путь развития законодательства об охране религиозных чувств верующих, рассмотрели позиции различных ученых от криминализации до декриминализации нормы уголовного права. Проведенный анализ позволил сформулировать предложения об исключении в целях устранения объективного вменения частей 1 и 2 статьи 148 УК РФ в связи с невозможностью закрепления на законодательном уровне оценочных понятий «чувства» и «верующие». Выявлено отсутствие дифференциации законодателем религиозных объединений, предложено заменить понятие «религиозные организации» на «религиозные объединения» в связи с необходимостью защиты прав представителей религиозных групп, не зарегистрированных в качестве юридического лица. Предлагается внести изменения в статью 148 УК РФ, оставив только воспрепятствование религиозным объединениям, совершенное с квалифицирующими признаками, и перенести основные действия, описанные в частях 1 и 2, в административное законодательство.

ВВЕДЕНИЕ

Современная Россия – страна многонациональная, многоконфессиональная, поэтому религиозные противоречия могут привести к нарушению положений Конституции РФ и актов международного права и даже к вооруженному конфликту. На всем протяжении истории России отношение государства к религии неоднократно менялось. Религиозные чувства верующих ставились под защиту государства со времен его возникновения. Введение князем Владимиром Святославичем в конце X века в Киевской Руси вместо язычества христианства как государственной религии сопровождалось активным сопротивлением народа и подавлением инакомыслия под страхом наказания¹. С этого периода господствующим вероисповеданием в Древней Руси было христианство, и государство охраняло именно его интересы, преследовало еретиков вплоть до их казни. В конечном итоге в ходе своего развития государство срослось с церковной юрисдикцией, поглотив ее самостоятельную правосубъектность. Государственная машина защищала интересы православных и верующих иных христианских конфессий, которые считались приемлемыми, посредством принятия законов в сфере ре-

лигиозного права. Остальные считались нежелательными и подвергались гонениям.

После Октябрьской революции 1917 года в стране, позиционирующей себя светской, стала господствовать атеистическая идеология. О свободе вероисповедания речь не шла, так как гонениям подвергались представители всех религиозных конфессий.

Дальнейшее развитие история законодательства о свободе совести и религиозных объединениях получила с принятием Закона СССР от 01.10.1990 № 1689-1 «О свободе совести и религиозных организациях», регламентировавшего право на свободу совести, в соответствии с которым каждый гражданин самостоятельно определяет свое отношение к религии, вправе единолично или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, выражать и распространять убеждения, связанные с отношением к религии. Закон подтверждал постулат об отделении церкви от государства.

Государство обладает различными способами защиты прав и свобод граждан, в том числе посредством уголовного преследования лиц, нарушивших нормы уголовного права. Закон РФ от 27.08.1993 № 5668-1, кардинально изменив редакцию статьи 143 УК РСФСР, установил уголовную ответственность за нарушение права на свободу совести и вероисповедания. Часть 1 стала предусматривать наказание за воспрепятствование

¹ Рапов О.М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. М.: Русская панорама, 1998. 443 с.

законному осуществлению права на свободу совести и вероисповедания, в том числе совершению религиозных обрядов. Добавлена часть 2, которая впервые упомянула оскорбление чувств и убеждений граждан в связи с их отношением к религии. Термин «верующие» в статье не употреблялся. Определение понятия «оскорбление чувств верующих» не содержал и вступивший в законную силу 26.09.1997 Федеральный закон № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях».

Статья 28 принятой в 1993 году Конституции РФ гарантирует каждому свободу совести, вероисповедания, включая право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Российская Федерация с 1993 года признана светским государством. Однако на сегодняшний день духовенство, особенно православное, все больше начинает участвовать в политической жизни страны. Но насколько государство должно вмешиваться в сферу религий?

Механизмом защиты права на свободу совести и вероисповеданий в настоящее время является статья 148 УК РФ. Данная норма в современной редакции из мертвой статьи в последние годы превратилась во все чаще применяемую на практике. Так, по сведениям судебной статистики, в 2020 году по статье 148 УК РФ уголовные дела судами не рассматривались, а в 2021 году осуждено 14 человек². Правоприменение нормы вызывает бурные дискуссии не только в научной среде, но и среди простых граждан, блогеров. Православные священнослужители также вступили в обсуждение, поскольку основная часть уголовных дел возбуждается по фактам оскорбления чувств именно этой конфессии, а не верующих мусульман, иудеев, буддистов и т. п. В сети Интернет некоторые православные священники и представители других конфессий, выступающие против применения данной нормы права, высказывали мнение, что церковь влезла на поле государства, а христианская религия учит любить врагов, поэтому верующий не может оскорбиться инакомыслию, с оскорблением нужно бороться внутри себя, от этого вера не должна стать слабее³.

² Уголовное судопроизводство. Данные о назначении наказаний по статьям УК // Судебная статистика РФ. URL: <http://stat.anu-npecc.pf/stats/ug/t/14/s/17>.

³ Кожедубов А. Возмущенные христиане потребовали отменить закон об оскорблении чувств верующих. Скандальную статью УК РФ признали противоречащей как Конституции, так и Божьим заповедям // Московский комсомолец. URL: <https://www.mk.ru/social/2019/12/10/vozmushhennye-khristiane-potrebovali-otmenit-zakon-ob-oskorblenii-chuvstv-veruyushhikh.html>.

Андреева М. Раввин Зиновий Коган: «Мы бы не требовали судебной расправы над Pussy Riot». Еврейский священнослужитель прокомментировал «МК» громкое дело участниц панк-молебна // Московский комсомолец. URL: <https://www.mk.ru/social/2012/08/06/733641-ravvin-zinoviy-kogan-myi-byi-ne-trebovali-sudebnoy-raspravyi-nad-pussy-riot.html>.

«Мне не нравится закон об оскорблении чувств верующих» священник Павел Островский // Трикстер/научно о религии: канал на Яндекс Дзен. URL: <https://zen.yandex.ru/media/trickster/mne-ne-nravitsia-zakon-ob-oskorblenii-chuvstv-veruiuscih-sviascennik-pavel-ostrovskii-60707c54168d6537b6655b06>.

В нынешней редакции норма права действует с момента внесения 29.06.2013 в Уголовный кодекс поправок в статью 148. Это произошло после вызвавшего сильный общественный резонанс уголовного дела в отношении трех девушек из группы Pussy Riot, которые 21.02.2012 в московском храме Христа Спасителя совершили панк-молебен, который, по словам государственного обвинителя, нанес глубокие духовные раны. Потерпевшими по делу выступили охранники, прихожан и свечница храма, заявившая об оскорблении чувств верующих. По версии следствия и суда, им был причинен моральный вред. Девушки были осуждены по части 2 статьи 213 УК РФ за совершение хулиганства, поскольку действовавшая тогда редакция статьи 148 УК РФ включала в себя только «воспрепятствование деятельности религиозных организаций», которое в действиях участниц движения отсутствовало⁴.

Власть сочла, что аналогичные действия могут повториться, а в данном случае в первую очередь нарушается не общественный порядок, а конституционные права граждан на свободу совести и вероисповедания. Срочное изменение законодательства продвигали и представители столичной патриархии.

Однако изменения в уголовном законодательстве вызвали неоднозначную реакцию в обществе. Дискуссия продолжается до настоящего времени. Имеется мнение ученых о необходимости продолжать совершенствовать российское уголовное законодательство в сфере защиты от преступных посягательств на права и законные интересы граждан и организаций, а также охраняемые законом интересы общества и государства в области религиозных отношений путем криминализации, т. е. включения соответствующих квалифицирующих признаков в состав умышленных преступлений против жизни и здоровья, а также в состав клеветы (статья 128.1 УК РФ), поскольку государство продолжает выполнять функцию регулятора духовной жизни общества и личности [1]. Предлагается также исключение из состава преступления специальной цели, чтобы имелась возможность привлекать за совершение преступления при наличии не только прямого умысла, но и косвенного умысла или неосторожности [2].

Другие авторы придерживаются кардинально иной точки зрения – о необходимости декриминализации уголовно-правовой нормы. Она основана на доводах об отсутствии законодательного закрепления терминов, используемых в статье 148 УК РФ, о неправомерности осуществления государством опеки над церковью, а также о неблагоприятных последствиях привлечения к уголовной ответственности в виде создания у верующих мстительного настроения и представления религии как агрессивного культа [3–5].

Ряд ученых указывают на то, что данные правоотношения защищаются уже имеющимися уголовно-правовыми нормами (статьи 213, 282 УК РФ), что приводит к конкурентности норм [6; 7]. Обращается внимание и на коллизию норм административного (статья 5.26 КоАП РФ) и уголовного права [6; 8]. Мы придерживаемся позиции данных авторов.

⁴ Приговор Хамовнического районного суда гор. Москвы от 17.08.2012 по уголовному делу 1-170/12 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XhWjrcB5zAN4/>.

Особое внимание ученые уделяют защите прав атеистов. Поэтому некоторые авторы предлагают исключить статью 148 УК РФ как антиконституционную, в связи с тем, что она не защищает права лиц, не исповедующих какую-либо религию [9; 10]. Другие ученые предлагают включить в УК РФ новую норму, предусматривающую наказание за умышленное публичное оскорбление мировоззренческих убеждений атеиста [1], либо изменить статью 148 УК РФ для их защиты [11; 12].

Основной проблемой применения статьи 148 УК РФ считаем то, что до настоящего времени ни законодатель, ни Верховный суд РФ не разъяснили понятие «религиозные чувства верующих», представляющее собой оценочную категорию, вследствие чего проблема реализации защиты религиозных чувств верующих на практике продолжает вызывать научные споры. От понимания используемых терминов зависит и оценка объективных и субъективных признаков преступления. Определение этого понятия в связи с отсутствием толкований в настоящее время следует искать вне рамок уголовного права.

Цель исследования – рассмотрение проблем толкования отдельных признаков объективной и субъективной стороны состава оскорбления чувств верующих (статья 148 УК РФ), оценка общественной опасности данного деяния и соответствия нормам конституционного права.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Логика исследования выстроена от общего к частному. На начальном этапе выполнен общетеоретический анализ специальных норм и положений, их роли и значения в праве. Рассмотрен понятийный аппарат. Далее проведен комплексный анализ объективных и субъективных признаков рассматриваемого преступления. Каждый этап основан на анализе специальной литературы и мнений отечественных исследователей – теоретиков и практиков. С помощью метода сравнительного анализа (исследования) изучены уголовные дела и законодательная база по статье 148 УК РФ. На основе изучения эмпирических данных судебной практики и обзора научной литературы по теме исследования выявлены и обобщены основные проблемы, возникающие при реализации нормы, предусмотренной статьей 148 УК РФ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Объективные признаки состава преступления

Для правильного применения нормы о защите религиозных чувств верующих в ходе исследования попытаемся разобраться в самих понятиях «религиозные», «религия», «чувства», «верующие», «свобода совести» и «свобода вероисповедания». Еще раз подчеркнем, что уголовное законодательство РФ не раскрывает эти понятия. Их определения не содержит и Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях».

Выявление путей устранения имеющихся проблем необходимо начать с изучения этимологии и истории терминов. Единого мнения о происхождении и толко-

вании слова «религия» нет до настоящего времени. Большинство ученых указывают на латинское religare (связывать, соединять)⁵ или religio (благоочестие, набожность, святыня, предмет культа)⁶.

С точки зрения религиоведения, религия определяется как вера в сверхъестественное, в чудодейственные силы и существа. Религию предлагают определять как «сферу духовной жизни общества, группы и индивида, характеризующуюся способом практического освоения мира и духовного производства» [13, с. 230]. Другие авторы указывают на то, что религия есть «сугубо личное, внутреннее переживание Бога»⁷. Законодательство Российской Федерации не дает четкого определения понятию религии, не закрепляет перечень религий. Некоторые ученые подчеркивают, что религия не поддается понятийному определению, о ней можно говорить только применительно к конкретной частнонаучной сфере [13]. По этой причине слово «религиозный» в диспозиции статьи 148 УК РФ не содержит в себе правового смысла.

Религиозные чувства рассматривают с точки зрения психологии как обычные чувства – устойчивые эмоциональные переживания, реакцию субъекта на явления окружающего мира, только обращенные на религиозный объект⁸. Верующий придает этому объекту (религиозным ценностям, персонам, местам, действиям) особый смысл. Вера в своей первоначальной форме есть чувство. Поэтому субъективный смысл содержания всех чувств, в том числе религиозных, заключается в их сути [14]. Часть авторов считает чувства верующих эмоциональным отношением к какому-либо явлению материального и нематериального мира, связанным с представлениями и идеями религиозного характера [13]. С точки зрения психологии оскорбление чувств трактуют как результат оценки, которую верующий дает событию, а не прямому действию этого события, поскольку явление окружающего мира не несет в себе ни позитива, ни негатива [15].

Сложность состоит и в понимании категории «верующий» в уголовном праве. Словарь Д.Н. Ушакова определяет верующим человека, признающего существование бога, религиозного человека⁹. Под верующими предлагается понимать лиц, которые живут согласно признанным большинством исповедующих канонам религии, имеющей представителей, объединенных в форме религиозной организации или группы в соответствии с законом России или иностранного государства [16]. В продолжение этого предполагается, что верующие считают себя большинством и чаще всего на этом основании требуют защиты своих чувств [17].

В ходе расследования должен быть установлен потерпевший от преступных деяний, доказано причинение

⁵ Василенко Л.И. *Краткий религиозно-философский словарь* М.: Истина и жизнь, 1996. 256 с.

⁶ Большая советская энциклопедия / гл. ред. О.Ю. Шмидт. М.: Советская энциклопедия, 1926. 1947 с.

⁷ Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3: Н–С. М.: Мысль, 2001. 692 с.

⁸ Джеймс У. *Многообразие религиозного опыта*. М.: Наука, 1993. 432 с.

⁹ Толковый словарь русского языка: в 4-х т. Т. 1: А – Кюрины / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Советская энциклопедия», 1935. 1562 с.

ему морального вреда. В данном случае возникает вопрос: как установить наличие внутренней веры, оставаясь в рамках уголовного права? Как в принципе измерить уровень чувства и его наличие? В связи с этим можем согласиться с точкой зрения, что невозможно определить, кто же на самом деле является верующим [4]. По сути, верующий человек – это тот, кто открыто заявляет о своей вере, как в примере с делом Pussy Riot. Тогда в категорию «верующие» попадают только те, кто заявили себя в этом статусе, и оскорбление их чувств было подтверждено заключением религиозно-экспертной комиссии. В связи с тем, что потерпевший является обязательным признаком состава преступления, в ходе расследования уголовного дела требуется установить верующего в определенную религию, чьи чувства были нарушены преступным деянием.

Часть 1 статьи 14 Конституции РФ провозглашает равенство всех религий и отсутствие государственной веры. Однако в преамбуле ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» «признается особая роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры», высказывается «уважение христианству, исламу, буддизму, иудаизму и другим религиям, составляющим неотъемлемую часть исторического наследия народов России». Из формулировки закона следует, что, несмотря на провозглашение светского государства, преимущественно защищаются именно эти религии, всегда считавшимися господствующими в РФ.

В данном случае будут ли охраняться права еретика, не чтящего общепризнанных канонов? Скорее всего, нет, поскольку такой человек, являясь одиночкой, высказывает мнение, идущее вразрез с господствующей доктриной православия, и государство скорее встанет на защиту доктрины, нежели его альтернативного направления. Таким образом, имеется безосновательный уклон в сторону общественной значимости какой-то религии, а не религии самой по себе.

Возникает еще один вопрос: а будут ли защищаться права атеиста? Для ответа на него обратимся к понятию «свобода совести». Оно используется только в названии статьи 148 УК РФ, в диспозицию самой статьи не введено, речь там ведется только о религиозных чувствах верующих. Да и ни в одном правовом акте этот термин законодателем не раскрывается. Толковые словари под свободой совести понимают отсутствие ограничений в исповедовании какой-нибудь религии или в отказе от религии¹⁰.

Предположим, что именно термин «защита свободы совести» должен относиться к атеисту. Но еще раз подчеркнем: в диспозиции статьи он отсутствует, речь идет только об одном потерпевшем – верующем, следовательно, норма не защищает права лица, не исповедующего какую-либо религию. Это можно трактовать так, что данная норма права под «совестью» подразумевает только совесть верующего. И не будет ли тогда выска-

зывание атеистом своей точки зрения в какой-то дискуссии затрагивать и оскорблять чувства верующих?

При анализе судебной практики не выявлены случаи защиты прав атеистически настроенных граждан, а иногда даже простое высказывание мнения об отсутствии бога вменяется как нарушение законодательства о свободе вероисповедания. Так, суд в решении от 17.07.2020 по делу № 2А-626/2020 трактовал положения статьи 148 следующим образом: «По смыслу действующего законодательства под указанное поведение подпадает выступление атеиста на каком-либо собрании либо в средствах массовой информации, который будет отстаивать свою точку зрения о том, что бога нет»¹¹. Таким образом, к уголовной ответственности можно привлечь лицо за инакомыслие, ведь верующий может объявить себя оскорбленным другим верующим, проповедующим религию, противоречащую его воззрению, либо атеиста за отрицание бога, либо теолога, высказавшего в лекции иную точку зрения. Статья 143 УК РСФСР содержала, по нашему мнению, более точную формулировку: «воспрепятствование законному осуществлению права на свободу совести и вероисповедания» (часть 1) и «оскорбление чувств и убеждений граждан в связи с их отношением к религии» (часть 2), защищающую на одинаковом уровне права и чувства верующих и атеистически настроенных граждан.

Следующая проблема определения объективных признаков связана с дифференциацией религиозной группы и религиозной организации. Потерпевшим считается верующий не запрещенной законом религии. Но часть 3 статьи 148 УК РФ защищает не все формы религиозных объединений граждан, а только права религиозной организации, т. е. объединения граждан, зарегистрированного в качестве юридического лица, хотя законом «О свободе совести и о религиозных объединениях» предусмотрена еще одна форма – религиозная группа, осуществляющая деятельность без приобретения правоспособности юридического лица (статьи 6–7). Тем самым норма права дает преимущественное право государственной защиты зарегистрированным религиозным объединениям и ущемляет права незарегистрированных.

Субъективная сторона состава преступления

Преступление, предусмотренное частями 1 и 2 статьи 148 УК РФ, может быть совершено только с прямым умыслом, на что указывает специальная цель – оскорбить чувства верующих. Следовательно, наличие этого обязательного признака субъективной стороны преступления необходимо доказать в ходе расследования.

11.05.2017 суд Екатеринбурга признал виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 148 УК РФ, Соколовского Р., ловившего покемонов в Храме-на-Крови. Ему вменено совершение деяния с прямым умыслом, хотя тот, скорее всего, имел целью создание популярного контента для подписчиков на YouTube, а не оскорбление чувств верующих. Он осознавал возможные последствия своих действий, но

¹⁰ Толковый словарь русского языка: в 4-х т. Т. 4: С – Ящурный / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Советская энциклопедия», 1940. 1500 с.

Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 4: С – Я / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык, 1988. 795 с.

¹¹ Решение Ленинского районного суда города Грозного от 17.07.2020 по делу № 2А-626/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/IXX1jiGJYAgW/>.

не оценил их, отнесся к ним безразлично. Следовательно, усматривается косвенный умысел, поскольку при выкладывании фото- и видеоматериалов в сети Интернет ему было безразлично, будут ли среди зрителей верующие, но сознательно это допускалось, как и возможное оскорбление их чувств.

Спорным остается вопрос, имелся ли прямой умысел оскорбить чувства верующих в действиях блогера из Таджикистана Бобиева Р. и его подруги – модели Чистовой А., осужденных в 2021 году по части 1 статьи 148 УК РФ за провокационное фото, сделанное на фоне храма Василия Блаженного на Красной площади. Чистова А. в ходе следствия пояснила, что фото сделано ради хайпа. В данном случае хайп не нес в себе цели оскорбить чувства верующих, т. е. преступный умысел не усматривается.

Не можем согласиться с мнением авторов, утверждающих, что о наличии или отсутствии этой цели свидетельствует само совершенное действие, которое является проявлением богохульства и имеет оскорбительный эффект [18]. Такая точка зрения и приведенные примеры указывают на наличие расширительного толкования вины, не учитывающего отношение к деянию и его последствиям самого субъекта преступления.

Из практики применения данной нормы следует, что, если человек и не ставил цели оскорбить верующих, само его несогласие с догмами существующих религий может восприниматься верующим человеком как оскорбительное, высказывания атеиста – как богохульство, а теолога – как святотатство. С психологической точки зрения любые высказывания или действия с объектами, с которыми у верующих связаны религиозные чувства, могут быть восприняты негативно, если верующий с ними не согласен или считает их недопустимыми. Результатом несогласия будет восприятие данных действий или оценок как оскорбительных. Верующие могут обвинять друг друга в оскорблении в связи с несовпадением точек зрения на вопросы религии. Но никакие другие доказательства, кроме показаний самого обвиняемого, напрямую не могут подтвердить или опровергнуть наличие прямого умысла.

В качестве выхода из сложившейся ситуации ученые предполагают целесообразным в ходе расследования проводить судебно-психологические, судебно-религиоведческие либо судебно-теологические экспертизы. Однако в связи с отсутствием опыта их проведения, единого органа, уполномоченного на их проведение, а также с низким уровнем специалистов, качество и беспристрастность заключений экспертов обоснованно подвергается критике. Целесообразность назначения и проведения судебно-теологических экспертиз в светском государстве ставится под сомнение также в связи с узостью специализации теолога [19; 20].

Следует иметь в виду, что здесь область уголовного права тесно соприкасается с философскими понятиями. Невозможно отнестись к человеческой природе строго формализованно, ведь можно прийти к тому, что субъектом преступления можно будет назвать любого высказавшегося против другой религии.

Неточность формулировок в уголовном законодательстве, связанных с объективными признаками состава

преступления, непонимание законодателем сути религиозного опыта и отсутствие заранее прописанных границ между критикой, высмеиванием и оскорблением делает затруднительным определение субъективных признаков по статье 148 УК РФ, что позволяет экспертам в ходе расследования предвзято толковать поведение лица и его внутренние мотивы и цели. Многие ученые сомневаются в возможности оценить чувства индивидуума в ходе экспертных исследований [20; 21]. Из этого можно сделать вывод, что на практике действует объективное вменение, что согласно части 2 статьи 5 УК РФ противоречит закону.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

С учетом изложенного можно высказать мнение, что положения статьи 148 УК РФ в настоящее время не в полной мере соответствуют Федеральному закону «О свободе совести и о религиозных объединениях» и Конституции РФ. Закрепленные нормы направлены на защиту одной категории граждан и никак не защищают права другой [12], что является проявлением дискриминации [16].

Без четкого законодательного закрепления содержания феномена «оскорбление религиозных чувств верующих» в уголовном праве применение частей 1 и 2 статьи 148 УК РФ является проблематичным. Данная категория не может быть четко определена, поскольку чувства субъективны, они не могут быть оценены экспертным исследованием. Защита только чувств верующих противоречит принципу равноправия и справедливости, поскольку защищаются права и свободы лиц, исповедующих какую-либо религию, путем ограничения их у атеистически настроенных граждан. А список существующих в мире религий невозможно закрепить законодательно. Поэтому считаем невозможным применение данного состава, тем более что осуждение девушек из Pussy Riot по статье 213 УК РФ продемонстрировало действенность нормы ответственности за хулиганство в таких случаях.

Проведенное исследование показывает, что на законодательном уровне невозможно дать четкое определение таким понятиям, как «чувства», «верующий». Отсутствие понятийного аппарата в данной диспозиции исключает суть общественно опасного деяния как обязательного признака объективной стороны.

Считаем, что действия, предусмотренные частью 3 статьи 148 УК РФ, без учета квалифицирующих признаков части 4, т. е. просто незаконное воспрепятствование, не несут общественной опасности, что дает основание данные действия перенести из уголовного в административно-правовое поле.

Субъективная сторона данного деяния должна обязательно содержать цель – оскорбление чувств верующих, что на практике является практически недоказуемым. Однако если такие действия совершены по мотиву религиозной ненависти, то деяния подпадают под статью 282 УК РФ. Диспозиция части 1 статьи 148 в действующей редакции УК РФ является противоречивой и незаконно применимой на практике, так как не устанавливается субъективное вменение.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

На основании проведенного теоретического и практического анализа толкования отдельных признаков объективной и субъективной стороны состава нарушения права на свободу совести и вероисповеданий (статья 148 УК РФ) нами внесены следующие предложения.

1. В Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» дать четкое определение понятия «религия».

2. Исключить части 1 и 2 из статьи 148 УК РФ, так как описанные в них действия могут квалифицироваться как деяния, предусмотренные статьями 213 и 282 УК РФ соответственно, в зависимости от действия, умысла и цели.

3. В диспозиции статьи 148 УК РФ понятие «религиозные организации» заменить понятием «религиозные объединения».

4. Уголовно наказуемым деянием оставить незаконное воспрепятствование религиозным объединениям, совершенное: а) с использованием служебного положения; б) с применением насилия или угроз его применения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беспалько В.Г. Уголовно-правовая охрана религиозных отношений // Журнал российского права. 2014. № 7. С. 41–50.
2. Лопатина Т.М. Религиозная безопасность как объект уголовно-правовой охраны // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2019. № 3. С. 59–62.
3. Кашаева М.В. Защита чувств верующих в парадигмах российского уголовного и административного законодательства // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2019. № 1. С. 81–82.
4. Смирнов А.М. Установление уголовной ответственности за оскорбление религиозных чувств верующих как пример игнорирования законодателем теории криминализации деяний // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 4. С. 211–217.
5. Сотникова В.В., Бунин К.А. К вопросу о целесообразности административной и уголовной ответственности за оскорбление чувств верующих // Военное право. 2018. № 5. С. 168–171.
6. Шнитенков А.В. Оскорбление религиозных чувств верующих: проблемы законодательной регламентации уголовной ответственности // Современное право. 2014. № 3. С. 107–109.
7. Новиков В.А., Шиян В.И. Оскорбление религиозных чувств верующих: состояние и актуальные вопросы квалификации преступления и административного правонарушения // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2020. № 3. С. 52–56.
8. Титаренко М.В. К вопросу об уголовной ответственности по ст. 148 Уголовного кодекса РФ // Алтайский юридический вестник. 2015. № 3. С. 89–91.
9. Борисова А.С. Право на «религиозное чувство»: юридические аспекты защиты верующих // Юридические исследования. 2015. № 8. С. 1–19.
10. Власов В.А., Толстиков В.А., Александрова К.И. Некоторые актуальные аспекты государственно-правовой реализации принципа светского государст-

ва в Российской Федерации на современном этапе // Аграрное и земельное право. 2020. № 7. С. 57–60.

11. Осокин Р.Б., Кокорев В.Г. Принцип справедливости и равенства как критерий оценки и совершенствования статьи 148 УК РФ «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий» // Философия права. 2017. № 4. С. 111–116.
12. Пирбудагова Д.Ш., Исаева К.М. К вопросу о правовом режиме свободы совести и вероисповедания в Российской Федерации // Юридический вестник ДГУ. 2017. Т. 24. № 4. С. 95–98.
13. Булгаков С.Н. Тихие думы. М.: Республика, 1996. 508 с.
14. Грановская Р.М. Психология веры. СПб.: Питер, 2010. 480 с.
15. Казанцев Д.А. К вопросу об уголовно-правовой охране религиозных чувств верующих // Российский следователь. 2019. № 9. С. 36–40.
16. Федотова Ю.Е. Оскорбление религиозных чувств верующих: проблемы применения статьи 148 УК РФ // Российское право: образование, практика, наука. 2016. № 4. С. 64–66.
17. Матецкая А.В. Оскорбление религиозных чувств верующих: Российский контекст // Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 6. С. 36–45.
18. Гончаренко А.И. Публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих (ч. 1 ст. 148 УК РФ): уголовно-правовая характеристика и практика применения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 11. С. 86–91.
19. Назаркулова Ч.Н. О некоторых особенностях религиозно-правовых экспертиз, назначаемых при расследовании преступлений, совершенных по мотиву религиозной ненависти или вражды // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 1. С. 123–127.
20. Меньшиков А.С. Свобода совести и защита чувств верующих: права человека в контексте постсекулярной модерности // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2017. Т. 12. № 4. С. 27–36.
21. Шишков С.Н., Полубинская С.В. Проблемы установления признаков состава преступления с использованием специальных знаний // Уголовное право. 2018. № 5. С. 114–123.

REFERENCES

1. Bepalko V.G. Criminal-Law protection of religious relations. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2014, no. 7, pp. 41–50.
2. Lopatina T.M. Religious security as an object of criminal law protection. *Rassledovanie prestupleniy: problemy i puti ikh resheniya*, 2019, no. 3, pp. 59–62.
3. Kashchaeva M.V. Protecting the feelings of believers in the paradigms of Russian criminal and administrative legislation. *Vestnik Barnaulskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2019, no. 1, pp. 81–82.
4. Smirnov A.M. Establishment of criminal liability for insulting the religious feelings of believers as an example of ignoring the theory of criminalization of acts by the legislator. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*, 2019, no. 4, pp. 211–217.

5. Sotnikova V.V., Bunin K.A. On the question of the expediency of administrative and criminal liability for insulting the feelings of believers. *Voennoe pravo*, 2018, no. 5, pp. 168–171.
6. Shnitkov A.V. Insulting the Religious Feelings of Believers: Problems of Legislative Regulation of Criminal Liability. *Sovremennoe pravo*, 2014, no. 3, pp. 107–109.
7. Novikov V.A., Shiyani V.I. Insulting religious feelings of believers: state and topical issues of qualifying a crime and an administrative offense. *Rassledovanie prestupleniy: problemy i puti ikh resheniya*, 2020, no. 3, pp. 52–56.
8. Titarenko M.V. Revisiting the criminal responsibility according to the art. 148 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Altayskiy yuridicheskiy vestnik*, 2015, no. 3, pp. 89–91.
9. Borisova A.S. The Right to a “Religious Feeling”: Legal Aspects of the Protection of Believers. *Yuridicheskie issledovaniya*, 2015, no. 8, pp. 1–19.
10. Vlasov V.A., Tolstikov V.A., Aleksandrova K.I. Some topical aspects of the state-legal implementation of the principle of secular state in the Russian Federation at the present stage. *Agrarnoe i zemelnoe pravo*, 2020, no. 7, pp. 57–60.
11. Osokin R.B., Kokorev V.G. The principle of justice and equality as a criterion for assessing and improving article 148 of the Criminal Code “Violation of the right to freedom of conscience and religion”. *Filosofiya prava*, 2017, no. 4, pp. 111–116.
12. Pirbudagova D.Sh., Isaeva K.M. To the question about legal regime of freedom of conscience and religion in the Russian Federation. *Yuridicheskiy vestnik DGU*, 2017, vol. 24, no. 4, pp. 95–98.
13. Bulgakov S.N. *Tikhie dumy* [Quiet thoughts]. Moscow, Respublika Publ., 1996. 508 p.
14. Granovskaya R.M. *Psikhologiya very* [Psychology of faith]. Sankt Petersburg, Piter Publ., 2010. 480 p.
15. Kazantsev D.A. On the criminal law protection of religious feelings of the faithful. *Rossiyskiy sledovatel*, 2019, no. 9, pp. 36–40.
16. Fedotova Yu.E. Insulting the religious feelings of believers: problems of application of article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2016, no. 4, pp. 64–66.
17. Matetskaya A.V. Offense of religious feelings of believers: Russian context. *Gumanitarnye i sotsialnye nauki*, 2015, no. 6, pp. 36–45.
18. Goncharenko A.I. Public actions expressing obvious disrespect to the society and committed in order to insult the religious feelings of believers (part 1 of article 148 of the Criminal Code): criminal-legal characteristics and practice of application. *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 2018, no. 11, pp. 86–91.
19. Nazarkulova Ch.N. About some features of religious expertises, made during the investigation of crimes committed because of religious hate and hostility. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2016, no. 1, pp. 123–127.
20. Menshikov A.S. Freedom of conscience and protection of religious feelings: human rights in the context of post-secular modernity. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki*, 2017, vol. 12, no. 4, pp. 27–36.
21. Shishkov S.N., Polubinskaya S.V. Problems of establishing the signs of a crime using special knowledge. *Ugolovnoe pravo*, 2018, no. 5, pp. 114–123.

Criminal legal problems of protection of the rights and feelings of religious believers

© 2022

N.F. Angipova, senior lecturer of Chair “Criminal Law and Procedure”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

N.Zh. Danilina, investigator of the Department for Investigation of Crimes Committed
in the Territory of the Avtozavodsky District

Criminal Investigation Division of the Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Togliatti, Togliatti (Russia)

Keywords: Article 148 of the RF Criminal Code; insulting the feelings of religious believers; believing; religion; freedom of conscience; freedom of religion; feelings of religious believers.

Abstract: The religious contradictions in multinational countries are inevitable, which is confirmed by world history. To prevent conflicts, the state throughout its existence took the religious feelings of believers under its protection, including through the prosecution of persons who violated criminal standards towards the feelings of the religious believers. The religious feelings protection in itself corresponds to the content of the criminal law principles. However, the concepts of religion, feelings, religious believers, and freedom of conscience and religion used in the disposition of Article 148 of the RF Criminal Code do not have legally enshrined definitions and it is impossible to interpret them officially, since they are rooted in philosophy, psychology, and other branches of science. The inaccuracy of wordings causes the discussion in the scientific community and difficulties in law-enforcement activities. The study covers the problems of defining individual objective and subjective signs of a violation of the right to freedom of conscience and religion (Article 148 of the RF Criminal Code) and searching for ways to resolve them. The authors traced the historical path of development of legislation on the protection of the religious feelings of believers, considered the positions of various scientists from criminalization to decriminalization of criminal standards. The analysis allowed formulating the proposals to exclude parts 1 and 2 of Article 148 of the RF Criminal Code to eliminate the subjective imputation due to the failure to fix legislatively the estimating concepts of feelings and believers. The authors identified the lack of differentiation of religious associations by the legislator and suggested replacing the concept of religious organizations with the concept of religious associations due to the need to protect the rights of representatives of religious groups that are not registered as a legal entity. The authors propose to amend Article 148 of the RF Criminal Code leaving only the obstruction of religious associations, committed with the qualifying factors, and transferring the main actions described in parts 1 and 2 to administrative legislation.

Анализ некоторых избирательных законов: ущемление демократии или гарантия стабильности конституционного строя?

© 2022

Н.А. Боброва, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры «Конституционное и административное право», заслуженный юрист РФ
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)
В.В. Сошников, консультант (помощник) секретариата фракции
Самарская Губернская Дума, Самара (Россия)

Ключевые слова: выборы; избирательное законодательство; члены избирательных комиссий с совещательным голосом; электронное голосование; главы местного самоуправления; избирательный залог; ФЗ № 67.

Аннотация: Цель статьи – на примере нескольких значимых изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ, в том числе самых последних от 14 марта 2022 года, проанализировать конкуренцию принципов демократичности избирательного процесса, с одной стороны, и принципов стабильности конституционного строя – с другой. Практически к каждому выбору федерального уровня вносятся изменения в федеральный закон № 67, в результате чего избирательное право превращается в каучуковый инструмент политики. За двадцать лет действия названного федерального закона в него внесено уже около трехсот изменений. В статье проанализированы несколько наиболее знаковых изменений в избирательном законодательстве РФ последнего десятилетия, сильнее всего повлиявших на современный облик прямой демократии в России: отмена избирательного залога, массовое сокращение института прямых выборов глав местного самоуправления, отмена института членов избирательных комиссий с совещательным голосом (в избирательных комиссиях ниже регионального уровня), сокращение полномочий членов комиссий с совещательным голосом в Центральной избирательной комиссии РФ и избирательных комиссиях субъектов РФ; введение электронного голосования на выборах всех уровней и видов на всей территории Российской Федерации. Рассмотрены последствия данных избирательных законов для принципов демократии и конкурирующих с ними принципов стабильности конституционного строя. Сделан вывод о приоритете принципов стабильности конституционного строя над принципами демократичности избирательного процесса, хотя данный приоритет имеет определенные конкретно-исторические причины, равно как и пределы.

ВВЕДЕНИЕ

Работа выполнена на стыке избирательного и муниципального права, ибо речь идет в том числе об ограничении прямых выборов глав местного самоуправления. Эта реформа местного самоуправления началась в 2014 году и отражена во многих публикациях. Так, авторы [1–3] проанализировали способы замещения должности главы муниципального образования, в том числе применительно к городскому самоуправлению, и еще в 2015–2016 годах сделали вывод о том, что главы местного самоуправления в результате проведенной реформы фактически становятся подчиненными региональным главам. Авторы [4–6] весьма критически оценили реформу местного самоуправления 2014 года охарактеризовав ее как исчезающее народовластие в результате встраивания органов местного самоуправления в систему органов государственной власти [4], фактическое уничтожение одного из бастионов демократии [5], контрреформирование контрреформы в результате фактической отмены ст. 12 Конституции РФ [6].

В работе [7] на примере Самарской области приведены статистические данные, доказывающие не усиление связей между населением и муниципальными депутатами районных советов в городе, а несколько иные тенденции: недостаток финансирования внутригородской муниципальной власти и нерациональное перераспределение полномочий между ней и другими уровнями публичной власти, снижение процента посещае-

мости заседаний районных советов самими депутатами и даже сложение некоторыми из них своих полномочий, обращение избирателей с письмами и жалобами напрямую к губернатору Самарской области и президенту РФ, минуя муниципальный уровень власти, хотя именно на этом уровне возникает наибольшее количество проблем, беспокоящих местное население.

Особняком стоит работа С.А. Авакьяна [8], в которой доказываются общие закономерности государственной и муниципальной власти. Эта статья, по сути, предвосхитила поправки 2020 года в главу 8 «Местное самоуправление» Конституции РФ, в результате которых местное самоуправление включено в единую систему публичной власти.

По избирательному праву для целей настоящей статьи проанализированы многие публикации, например монография А.И. Лукьянова, в которой он пишет, что «массовая торговля местами в российском парламенте началась в 2003 году, когда стало понятно, что выборы – это бизнес. На выборах в 2007 году место в предвыборных партсписках стоило 5 млн \$ США, в списке партий-фаворитов – 7 млн \$» [9, с. 138]. Проанализирована монография члена Центральной избирательной комиссии РФ Е.И. Колошина, где он привел примеры из конкретной правоприменительной практики избирательного законодательства в результате внесенных в него изменений, в частности регистрации кандидатов по подписям ввиду отмены избирательного залога [10]. В [11] проанализированы субъекты избирательного права, в том числе

члены избирательных комиссий с совещательным голосом, которые как раз и ликвидированы как институт в результате последних изменений в избирательное законодательство, за исключением Центральной избирательной комиссии РФ (далее – ЦИК РФ) и региональных избирательных комиссий. Члены комиссий с совещательным голосом – это важнейший институт демократии, ибо они назначаются кандидатами и являются гарантией прозрачности избирательного процесса [11].

Автор [12], анализируя тенденции развития избирательного права и законодательства, которые обеспечивают выборную конкуренцию и смену элит, приходит к выводу, согласно которому «современный подход к выборам в пределах конституционной направленности предполагает совершенствование механизмов политико-правовой инфраструктуры ротации и воспроизводства власти, которая консолидировала бы федеральную и региональную политическую элиту для решения сложных задач публично-властного характера в условиях ограниченности материальных ресурсов» [12, с. 56]. В.В. Еремян подробно анализирует зарубежное избирательное законодательство и приходит к выводу о том, что не зарубежным странам учить нас демократии на выборах, в то время как у них самих несовершенство избирательного законодательства гораздо значительнее, чем в России [13].

Со времени принятия Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – ФЗ № 67) в него внесено уже около трехсот изменений. Практически к каждому новым выборам федерального уровня, особенно к выборам депутатов Государственной Думы, принимались многочисленные изменения и поправки в ФЗ № 67, превратившийся в инструмент политики, с помощью которого партия правящего большинства юридическими методами усложняла условия конкурентной борьбы на выборах для своих политических конкурентов.

Постоянное переформатирование избирательного законодательства с помощью изменений в ФЗ № 67 происходило и происходит потому, что в Конституции РФ нет главы «Избирательная система» и избирательные законы не отнесены к разряду федеральных конституционных законов и региональных конституционных (уставных) законов. Иными словами, они принимаются и изменяются очень легко, то есть простым, а не квалифицированным большинством голосов.

Одним из сдерживающих механизмов постоянных изменений в избирательный закон была норма, согласно которой изменения, внесенные в избирательное законодательство менее чем за год до выборов, не применяются к данным выборам. Но эта норма сдерживающего, запретительного характера была отменена под тем предлогом, что возникает острая необходимость внесения в процедурные избирательные нормы изменений, способствующих демократичности и рациональности избирательного процесса и удобству избирателей. Известным примером является создание на выборах депутатов Самарской Губернской Думы (СГД) в 2001 году отдельного избирательного участка на Байконуре для большой группы сотрудников самарского «Прогресса», находившихся там в это время в командировке. При этом результаты голосования на Байконуре

(территория Казахстана) обеспечили по Кировскому округу (г. Самара) в целом перевес голосов между действующим депутатом СГД от КПРФ В.В. Козленковым и кандидатом от «Единой России» (далее – ЕР) В.Ф. Сазоновым в сторону последнего.

Напомним лишь некоторые значимые изменения избирательного права: отмена строки «против всех»; снижение процента явки на парламентских выборах, необходимого для признания выборов состоявшимися, с 25 до 20 %, а затем полная отмена процента явки ввиду высокого уровня абсентеизма на парламентских выборах и выборах представительных органов местного самоуправления; отмена одномандатных избирательных округов на выборах депутатов Государственной Думы в 2003, 2007, 2011 годах и установление смешанной избирательной системы на выборах депутатов региональных парламентов; возвращение в 2016 году смешанной избирательной системы на выборах депутатов Государственной Думы; отмена избирательного залога; ужесточение требований к кандидатам-самовыдвиженцам; увеличение количества подписей избирателей, необходимого для регистрации самовыдвиженца, в 6 раз (с 0,5 до 3 %). Это наиболее известные изменения.

В результате пять лет назад, в 2017 году, возникла идея обновления, кодификации избирательного законодательства на федеральном уровне. ЦИК РФ даже заключила договор с юридическим факультетом МГУ им. М.В. Ломоносова на разработку Избирательного кодекса РФ (разработчик – кафедра конституционного и муниципального права под руководством известного конституционалиста С.А. Авакьяна). Было опубликовано множество статей, проведены конференции, посвященные кодификации избирательного законодательства, но когда власти ознакомились с проектом избирательного кодекса, на идею кодификации была поставлена точка, по крайней мере в обозримом будущем. Сотрудники кафедры конституционного и административного права МГУ, как истинные конституционалисты, осуществили не просто формальную кодификацию избирательного законодательства, а наполнили его необходимым демократическим содержанием, обнажив системные огрехи действующего избирательного законодательства, которые, однако, позволяли балансировать между принципами демократии и обеспечением стабильности власти.

Цель исследования – на примере нескольких значимых изменений в ФЗ № 67, в том числе самых последних от 14 марта 2022 года, проанализировать конкуренцию принципов демократичности избирательного процесса, с одной стороны, и принципов стабильности конституционного строя – с другой.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье применяются исторический, социологический и формально-юридический методы, а также сопоставления общего и частного, причины и следствия, содержания и формы, сущности и явления.

Исследование проходило в несколько этапов:

- анализ действующего избирательного законодательства;
- анализ истории поправок и изменений в ФЗ № 67;

– выбор наиболее значимых изменений в ФЗ № 67, в том числе принятых Федеральным законом от 14 марта 2022 года № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»;

– анализ названных изменений с позиций отражения в них принципов демократичности избирательного процесса, с одной стороны, и принципов гарантирования стабильности конституционного строя – с другой;

– анализ реформы местного самоуправления 2014–2015 годов;

– анализ научной литературы в области избирательного законодательства и практики его применения;

– анализ судебных решений в сфере применения избирательных законов.

На каждом из этапов научные идеи соотносились с конкретно-исторической обстановкой, причинами и последствиями принятия тех или иных изменений в избирательное законодательство.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Изменения в избирательное законодательство от 14 марта 2022 года

ФЗ № 67 закрепил институт членов комиссии с правом совещательного голоса, относящийся к избирательным комиссиям всех уровней – от ЦИК РФ до участковых избирательных комиссий. Несомненно, это важнейший институт избирательного права, характеризующий демократичность избирательного процесса, поскольку члена избирательных комиссий с совещательным голосом (в том числе во все участковые и окружные избирательные комиссии) правомочен назначить любой кандидат, что является важной гарантией прозрачности и открытости избирательного процесса, контроля за всеми избирательными процедурами и предотвращения сговора членов комиссии в пользу определенных кандидатов.

16 декабря 2021 года депутаты Государственной Думы восьмого созыва Д.Ф. Вяткин и Д.В. Ламейкин внесли проект федерального закона «О внесении изменений в федеральный закон "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации"». Проект был подготовлен, как сказано в пояснительной записке, «в целях совершенствования законодательства Российской Федерации о выборах и референдумах и направлен на обеспечение избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации при проведении дистанционного электронного голосования». 26 января 2022 года проект федерального закона был принят в первом чтении. В ходе рассмотрения проекта во втором чтении депутатами Государственной Думы Д.В. Ламейкиным и Л.Г. Ивлевым были внесены поправки, впоследствии рекомендованные Комитетом по государственному строительству и законодательству Государственной Думы к принятию.

10 марта 2022 года был принят проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», и уже 11 марта 2022 года данный закон принят Государственной Думой в окончательном третьем чтении и направлен

в Совет Федерации, где в этот же день одобрен сенаторами и направлен президенту РФ. 14 марта 2022 года закон был подписан Президентом РФ¹.

Отметим изменения, внесенные в избирательное законодательство Федеральным законом от 14 марта 2022 года № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Первое изменение касается исключения из избирательного процесса таких субъектов, как член окружной избирательной комиссии с правом совещательного голоса, член территориальной избирательной комиссии с правом совещательного голоса, член участковой избирательной комиссии с правом совещательного голоса, которые ранее в состав избирательных комиссий назначались зарегистрированными кандидатами и избирательными объединениями. Свой статус в избирательных комиссиях сохранили лишь члены ЦИК РФ и избирательных комиссий субъектов Российской Федерации, назначенные в эти избирательные комиссии с правом совещательного голоса. Однако и у них значительно урезаны права, предоставленные им ранее. Теперь члены региональных избиркомов не имеют возможности присутствовать на заседаниях нижестоящих комиссий, а также при подсчете голосов избирателей и осуществлении участковой, территориальной комиссиями работы со списками избирателей, бюллетенями, открепительными удостоверениями, протоколами об итогах голосования и сводными таблицами (заметим в скобках, что наиболее частые изменения в итоги голосования вносятся участковыми избирательными комиссиями с помощью повторных протоколов, которые вообще следовало бы ликвидировать, заменив их актами об ошибках в протоколе, как справедливо предлагают ученые [14]).

Роль члена избирательной комиссии субъекта Российской Федерации с правом совещательного голоса стала фактически наблюдательной, да и то применительно лишь к своей избирательной комиссии.

В лице членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса назначившие их кандидаты и избирательные объединения имели преграду для махинаций со стороны недобросовестных председателей избирательных комиссий. Кроме того, информация и копии документов, получаемые членами избирательных комиссий с правом совещательного голоса, тут же доводились ими до сведения кандидатов и избирательных объединений (партий).

По сути, на протяжении многих лет члены избирательных комиссий с правом совещательного голоса не только выполняли установленные законом функции, но и были гарантами прозрачности избирательного процесса и точности в определении итогов голосования. Они способствовали тому, чтобы у избирателей, во всяком случае, у электората, стоящего за данной партией или кандидатом-самовыдвиженцем, возникало ощущение правильности подсчета голосов и справедливости выборов в целом.

Второе изменение в избирательное законодательство касается увеличения количества наблюдателей,

¹ Федеральный закон от 14 марта 2022 г. № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // *Российская газета*. 2022. № 58 (8706).

назначаемых кандидатами и избирательными объединениями: они «вправе назначить в участковую комиссию, территориальную комиссию и окружную комиссию не более трех наблюдателей, а в случае проведения голосования в течение нескольких дней – из расчета не более трех наблюдателей на каждый день голосования, которые имеют право поочередно осуществлять наблюдение в помещении для голосования, помещении, в котором осуществляется прием протоколов об итогах голосования, суммирование данных этих протоколов и составление протокола об итогах голосования на соответствующей территории».

Однако институт наблюдателей – весьма неадекватная замена институту членов комиссии с совещательным голосом. Имеют место факты удаления наблюдателей с избирательных участков, ограничения передвижения наблюдателей по помещению для голосования. Согласно инструкциям наблюдатель не может подходить к спискам избирателей и к столу, за которым идет раскладка и подсчет бюллетеней, ближе, чем на два метра. Таким образом, увеличение количества наблюдателей на фоне ликвидации членов комиссии с совещательным голосом – это далеко не гарантия прозрачности и справедливости выборов. Кроме того, это дополнительная финансовая нагрузка на кандидатов, а ведь не у каждого кандидата есть средства на оплату услуг наблюдателей (бесплатно соглашаются на этот изнурительный труд единицы).

Третье изменение касается городов федерального значения, административных центров (столиц) субъекта Российской Федерации, городских округов с численностью избирателей свыше 500 000, в которых «допускается образование и уточнение избирательных участков и их границ с числом избирателей, превышающим три тысячи».

Однако укрупнение избирательных участков может привести к усложнению контроля за процедурой голосования и подведением итогов голосования со стороны кандидатов и избирательных объединений, росту нагрузки на членов избирательных комиссий и других субъектов избирательного процесса, несмотря на то, что в законе упоминается необходимость обеспечения максимальных удобств для избирателей.

Четвертое изменение состоит в том, что наравне с традиционным порядком голосования предусматривается еще одна форма – дистанционное электронное голосование, которое будет применяться при проведении выборов по решению соответствующей избирательной комиссии. В решении избирательной комиссии о применении дистанционного электронного голосования «должны указываться: сроки его проведения, государственные информационные системы, используемые для проведения такого голосования, а также условия, при которых избиратель вправе принять участие в дистанционном электронном голосовании».

Для участия в дистанционном электронном голосовании избиратель должен обратиться на специальный портал в сети Интернет (в том числе с использованием специального мобильного приложения), определенный в порядке дистанционного электронного голосования, и пройти процедуры аутентификации и идентификации, а также подтверждения личности, после чего он получает доступ к дистанционному электронному голосованию.

В ходе дистанционного электронного голосования проводится процедура анонимизации, по завершении которой происходит переход к электронному бюллетеню и предоставляется возможность после ознакомления с необходимой информацией и порядком заполнения бюллетеня осуществить волеизъявление путем представления в электронном виде отметки в квадрате, относящемся к позиции, в пользу которой сделан выбор. После осуществления волеизъявления его изменение (повторное волеизъявление) не допускается.

Избиратель, получивший доступ к дистанционному электронному голосованию, но не проголосовавший, не вправе получить бюллетень на избирательном участке, но может воспользоваться техническими средствами для участия в дистанционном электронном голосовании непосредственно в помещении для голосования или ином помещении в случаях, определенных порядком дистанционного электронного голосования.

Реализация дистанционного электронного голосования вызывает вопросы у правоприменителей, кандидатов и избирательных объединений, поскольку избирательное законодательство не содержит никакой процедуры контроля порядка электронного голосования и последующего подведения итогов.

Дистанционное электронное голосование уже применялось в нашей стране в 2021 году в ходе выборов депутатов Государственной Думы на территориях нескольких субъектов Российской Федерации, вследствие чего в суды общей юрисдикции были поданы десятки административных исков политических партий, ибо результаты традиционного голосования значительно отличались от результатов дистанционного электронного голосования.

Кроме того, федеральный закон № 60-ФЗ вносит изменения в деятельность политических партий. Теперь политические партии, их региональные отделения и иные структурные подразделения «обязаны извещать соответствующий уполномоченный орган о проведении открытых мероприятий (в том числе съездов, конференций или общих собраний по принятию устава и программы политической партии, внесению в них изменений и дополнений, избранию руководящих и контрольно-ревизионных органов политической партии и ее региональных отделений, выдвижению кандидатов в депутаты и на иные выборные должности в органах государственной власти, органах публичной власти федеральных территорий и органах местного самоуправления, реорганизации и ликвидации политической партии и ее региональных отделений) не позднее чем за один день до дня проведения мероприятия при его проведении в пределах населенного пункта, в котором расположен уполномоченный орган, и не позднее чем за три дня до дня проведения мероприятия при его проведении за пределами соответствующего населенного пункта и допускать представителей уполномоченных органов на указанные мероприятия, проводимые политической партией, ее региональными отделениями и иными структурными подразделениями, а по требованию присутствующих на данных мероприятиях представителей уполномоченных органов и избирательных комиссий знакомить их с документами, которые связаны с созывом, организацией и проведением данных мероприятий и необходимы уполномоченным органам и избирательным

комиссиям для реализации их полномочий (в том числе проверки избирательными комиссиями соблюдения политическими партиями, их региональными отделениями и иными структурными подразделениями требований законодательства Российской Федерации к выдвижению кандидатов (списков кандидатов) в депутаты и на иные выборные должности в органах государственной власти, органах публичной власти федеральных территорий и органах местного самоуправления), а также предоставлять копии указанных документов».

Наконец, федеральный закон № 60-ФЗ упразднил избирательные комиссии муниципальных образований, а их полномочия возложил на территориальные (районные, городские и другие) избирательные комиссии.

Ограничение института выборности глав муниципалитетов

В Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» закреплялись два возможных способа избрания главы муниципального образования: непосредственно населением на муниципальных выборах либо представительным органом муниципального образования из своего состава. Потом порядок изменялся дважды: федеральным законом от 2011 года норма дополнялась особым способом избрания главы муниципального образования в поселении с численностью жителей не более 100 человек – на сходе граждан², а уже федеральным законом от 2015 года вводился третий способ избрания – представительным органом муниципального образования из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса³. Одним из инициаторов такого порядка был Д.И. Азаров, в то время сенатор, а впоследствии губернатор Самарской области. Именно этим способом избраны глава городского округа Самара Е.В. Лапушкина и мэр Тольятти Н.А. Ренц.

В Самарской области конкурсная модель повсеместно заменила собой прямые выборы глав муниципальных образований, что многими учеными трактовалось как ущемление демократии. Конкурсная модель неоднократно подвергалась научной критике: ее называли «советской» [15], а процесс назначения членов конкурсной комиссии характеризовали как возрождение государственного управления на местах [5].

Последняя характеристика объясняется требованием федерального законодательства: в наиболее крупных муниципальных образованиях половина членов конкурсной комиссии назначается представительным органом соответствующего муниципалитета, а другая половина – высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации, что можно рассматривать как легализацию

вмешательства государственной власти в организацию местного самоуправления и нарушение ст. 12 Конституции РФ, согласно которой органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. А тут они напрямую в нее встраиваются, поскольку федеральный закон передал субъектам РФ полномочие устанавливать порядок избрания глав муниципальных образований в региональном законодательстве⁴.

Формальным выражением несогласия общественности с новеллами о порядке избрания главы муниципального образования, а также с непрямым порядком формирования представительных органов, например Думы городского округа Самара, стало обращение группы депутатов Государственной Думы в Конституционный Суд РФ. В Постановлении от 1 декабря 2015 года № 30-П Конституционный Суд разъяснил, что «замена в законах субъектов РФ всеобщих прямых выборов глав крупных муниципальных образований (верхнего территориального уровня) непрямыми способами избрания не противоречит положениям Конституции»⁵. А судья А. Кокотов в Особом мнении отметил, что «субъекты Российской Федерации получили действенное средство влияния на подбор глав муниципальных районов и городских округов»⁶. Однако влияние на законодателя особых мнений судей Конституционного Суда РФ, равно как и всей научной общественности, к сожалению, весьма невелико. М.А. Власова отмечает, что большинство предложений ученых о совершенствовании законодательства либо вообще не замечаются законодателями, либо игнорируются ими [16].

С 2015 года законом субъекта Российской Федерации могут устанавливаться разные варианты избрания глав муниципальных образований: на прямых выборах, представительным органом из числа отобранных конкурсной комиссией кандидатур, представительным органом из своего состава, а также сочетания этих трех подходов.

Однако субъекты Российской Федерации своими законами существенно ограничили прямое избрание глав муниципальных образований, избрав в большинстве случаев конкурсную модель, которая, конечно же, наиболее предпочтительна для большинства глав субъектов Российской Федерации, ибо легально позволяет считать глав муниципалитетов своими подчиненными.

⁴ Федеральный закон от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. 2014. № 22. Ст. 2770.

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 1.12.2015 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 ст. 36 Федерального закона «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации» и части 1.1 ст. 3 Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // *Российская газета*. 2015. № 282 (6853).

⁶ См. 5.

² Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 361-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. 2011. № 49. Ст. 7039.

³ Федеральный закон от 3 февраля 2015 г. № 8-ФЗ «О внесении изменений в статьи 32 и 33 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. 2015. № 6. Ст. 886.

До сих пор в науке наблюдаются самые противоречивые оценки резкого сокращения первого способа – прямых выборов главы муниципалитета. Так, А.А. Амиантов, рассматривая проблему отмены прямых выборов на основе процедуры избрания мэра Сургута, приходит к выводу о продуктивном влиянии конкурсной модели на самостоятельность местного самоуправления: «в условиях доминирования одной компании среди экономики всего субъекта, а также при общей слабости института политических партий, прямые выборы главы муниципально-образовательного образования могли бы приводить к фактически "частному" местному самоуправлению» [17, с. 20].

М.В. Михайлова и И.А. Побаев по результатам анализа практической реализации института в Кировской области отмечают, что в таком контексте интересы населения и непосредственных представителей (избранных на прямых выборах) противопоставляются интересам руководства субъекта, нацеленного на создание подконтрольного местного самоуправления [18].

Некоторые ученые и публичные политики считают «конкурсный» способ избрания главы муниципального образования наиболее рациональным, учитывая также существенную экономию бюджетных средств и временных затрат. Другие же ученые приводят доводы об отсутствии целесообразности в экономии бюджетных средств ценой отмены прямых избирательных процедур, обращая внимание на фактическое «встраивание» глав муниципальных образований во властную вертикаль, подчиненность высшим должностным лицам субъектов [1]. Можно констатировать неоднозначность оценок конкурсной практики, анализ которых дан в литературе [3; 4; 7; 19].

Некоторые ученые предлагают сохранить конкурсную модель, но изменить порядок формирования комиссий: половина членов назначается представительным органом, половина выбирается населением [20]. Они считают необходимым ослабить влияние региональных властей путем введения форм общественного контроля за конкурсными процедурами [21].

Отмена избирательного залога как способа регистрации кандидатов-самовыдвиженцев и ужесточение требований к регистрации по подписям

В России в течение десяти лет применялся избирательный залог⁷. В Послании Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному Собранию РФ необходимость его отмены объяснялась следующим образом: «Использование денежного залога на выборах всех уровней должно быть отменено. Участвовать в выборах или нет – должны решать не деньги, а мнение людей, репутация партии и доверие людей к ее программе»⁸. В результате в спринтерские сроки избирательный залог был ликвидирован⁹. Считается, что изменения направлены на

обеспечение партиям равных возможностей участвовать в выборах депутатов Государственной Думы, в том числе партиям, не обладающим соответствующими финансовыми возможностями, и малочисленным партиям.

Между тем подлинные цели ликвидации избирательного залога были иные, которые и не замедлили вскоре сказаться, отразившись негативно на избирательных правоотношениях. Так, многократно увеличился случай отказа в регистрации кандидатов (списков партий) по подписям избирателей на основании результатов проверки подписных листов. На выборах 14 марта 2010 года в 37 субъектах России зафиксировано 424 отказа в регистрации, причем «основаниями для подавляющего большинства решений об отказе явились недостаточное количество достоверных подписей, представленных для регистрации кандидата, либо выявление 10 и более процентов недостоверных и/или недействительных подписей от общего количества подписей, отобранных для проверки»¹⁰. На выборах депутатов Государственной Думы в 2016 году в качестве самовыдвиженцев подали документы на регистрацию 343 кандидата, но зарегистрированы были лишь двое, а избран один, причем только потому, что ему была расчищена дорога к победе ввиду изначально слабых конкурентов от других партий (об этом были договоренности с руководством этих партий), поскольку это был богатый и влиятельный член ЕР, который не смог выдвинуться от ЕР ввиду громкого скандала с его недвижимостью за рубежом.

На самом деле, для того чтобы собрать подписи избирателей, самовыдвиженцу необходимо потратить в разы больше денег, чем если бы он выдвигался по залого. В зависимости от округа и других обстоятельств затраты на сбор подписей составляют от 3 до 7 млн рублей, да и то не все кандидаты успевают собрать необходимое количество подписей, а если и соберут, то подписи будут забракованы. А при выдвижении по залого сумма залога не могла превышать 10 % от максимального размера избирательного фонда кандидата на соответствующих выборах. Так, максимальный избирательный фонд кандидата в депутаты Самарской Губернской Думы сначала составлял 2,5 млн, а в 2010 году был повышен до 5 млн рублей. Сумма залога в 250 и 500 тыс. рублей посылна любому популярному кандидату из народа, причем избирательный залог возвращался, если за кандидата проголосовало не менее 5 % избирателей. Если же кандидат не набрал 5 %, сумма залога перечислялась в бюджет государства (федеральный, региональный) или в бюджет муниципалитета в зависимости от уровня выборов. Это как раз дополнительный фактор отсеивания непопулярных кандидатов, в том числе «денежных мешков». Как видим, официальная причина

⁷ Федеральный закон от 30.03.1999 г. «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 14. Ст. 1653.

⁸ Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ 2008 года // Российская газета. 2008. № 230.

⁹ Федеральный закон от 9.02.2009 г. №3-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с отменой избирательного залога

при проведении выборов» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 7. Ст. 771.

¹⁰ Справка ЦИК РФ по результатам изучения материалов, представленных избирательными комиссиями субъектов Российской Федерации по отказам в регистрации кандидатов на выборах в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов РФ, а также в органы местного самоуправления // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. URL: http://www.cikrf.ru/banners/sovesh_2010/sov_registr/sov_registr_250810.php.

отмены избирательного залога не соответствует реальной цели его отмены, которая состояла в резком сокращении кандидатов-самовыдвиженцев.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Одновременно с внесением изменений в ФЗ № 67 Федеральным законом от 14 марта 2022 года № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» вносятся аналогичные изменения в Федеральный закон от 10 января 2003 года № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» и в Федеральный закон от 22 февраля 2014 года № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации».

Отмеченное ужесточение контроля за деятельностью партий в период подготовки и в процессе избирательных кампаний направлено в первую очередь на гарантирование стабильности конституционного строя, хотя самими партиями это нововведение может рассматриваться как ущемление свободы деятельности партий, а следовательно, принципов демократии, зачастую ложно понятой. Если руководство партии не совершает ничего противозаконного, то ему не страшны никакие проверки деятельности и документов партии.

Но вот другое обстоятельство не может не беспокоить авторов настоящей статьи, а именно то, что отдельные нормы анализируемого федерального закона от 14 марта 2022 года № 60-ФЗ противоречат нормам действующего законодательства. И это противоречие уже дало о себе знать сразу же в ходе выборов муниципального уровня, которые проходили весной 2022 года в некоторых субъектах Российской Федерации.

В соответствии с п. 3 ст. 11 ФЗ № 67 «в случае принятия в период избирательной кампании, в период кампании референдума субъекта Российской Федерации или местного референдума закона, содержащего положения, которыми определяется порядок подготовки и проведения соответствующих выборов, референдума, либо в случае внесения в этот период в закон изменений, касающихся порядка подготовки и проведения соответствующих выборов, референдума, указанные закон и изменения применяются к выборам, которые назначены после их вступления в силу, и к референдуму, инициатива проведения которого выдвинута после вступления в силу указанных закона и изменений».

Между тем, согласно ч. 6 ст. 9 анализируемого федерального закона «члены комиссий с правом совещательного голоса, назначенные в избирательные комиссии муниципальных образований, территориальные комиссии и участковые комиссии, которые на день вступления в силу настоящего Федерального закона участвуют в соответствующей избирательной кампании, утрачивают полномочия в день официального опубликования результатов соответствующей избирательной кампании».

Постановлением Законодательного собрания Ростовской области № 1496 от 16 декабря 2021 года назначены дополнительные выборы депутатов Законодательного собрания Ростовской области по Шахтинскому одномандатному избирательному округу № 8 на 27 марта 2022 года. 18 марта 2022 года кандидат в депутаты Законодательного собрания Ростовской области

по Шахтинскому одномандатному избирательному округу № 8 обратился в Территориальную избирательную комиссию (ТИК) города Шахты Ростовской области с уведомлением о назначении члена избирательной комиссии с правом совещательного голоса, однако за назначение такового большинство членов ТИК города Шахты Ростовской области не проголосовало, ссылаясь на вступление в силу федерального закона от 14 марта 2022 года № 60-ФЗ. Решение о назначении члена избирательной комиссии с правом совещательного голоса не было принято, что нарушило права кандидата, который впоследствии обратился в Шахтинский городской суд Ростовской области за защитой нарушенных избирательных прав. 25 марта 2022 года Шахтинский городской суд Ростовской области пришел к выводу о несостоятельности доводов административного истца¹¹, хотя эти доводы полностью повторяют норму, изложенную в п. 3 ст. 11 ФЗ № 67. Этот пример лишь подтверждает тенденцию, согласно которой суды зачастую легализуют обстоятельства, выгодные власти [22].

Переходя к результатам исследования института выборов глав муниципальных образований и беспрецедентного сокращения применения этого института в результате муниципальной реформы 2014–2015 годов, можно констатировать, что к 2019 году доля муниципалитетов в городах и районах, сохранивших прямые выборы главы муниципального образования, составила всего 12,4 %. В 2020 году согласно положениям уставов муниципальных районов на прямых выборах избирались 13,43 % глав (214 из 1593), согласно уставам городских округов – 6,75 % глав (42 из 622), причем в городских округах – административных центрах субъектов – 9 % глав (7 из 77). Абсолютное же большинство уставов предусматривало конкурсную систему – 54,80 % (873), 73,79 % (459), 59,74 % (46) соответственно¹²; прочие уставы закрепляли избрание главы муниципального образования из депутатов представительного органа. Несмотря на прошедшие с момента названной муниципальной реформы годы, до настоящего времени не сформировалась единая или хотя бы преобладающая позиция в отношении оценки результатов обсуждаемой реформы.

В идеале экономическая сторона формирования органов власти муниципалитетов не должна превалировать над практическим значением прямой демократии. Вопросы взаимодействия региональной и муниципальной власти в пределах компетенции последней могут и должны решаться без прямого вмешательства региональной власти, в рамках компромиссных решений, что обусловлено самой природой местного самоуправления.

В условиях последовательной отстраненности федерального законодателя от определения критериев необходимости прямых выборов, а также маловероятности

¹¹ Решение Шахтинского городского суда Ростовской области от 23 марта 2022 года по административному делу № 2а-2187/2022.

¹² Доклад Министерства юстиции РФ о результатах ежегодного мониторинга организации и развития местного самоуправления в Российской Федерации за 2020 год // Министерство юстиции Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/activity/directions/977/>.

введения общественного участия в конкурсных процедурах, представляется необходимым менять законы субъектов в сторону большей демократизации, предоставления альтернативных способов избрания. Однако не стоит забывать, что реализация принципов местного самоуправления и до муниципальной реформы 2014–2015 годов была далека до идеала¹³, а политики, получившие в результате прямых выборов должность мэра, использовали ее либо в качестве трамплина для похода в верхние эшелоны власти (большинство метили в губернаторы, а первый избранный глава Самары О.Н. Сысуев в 1997 году стал вице-премьером Российской Федерации, впоследствии председателем Альфа-Банка), либо для обогащения. Поэтому резко отрицательная оценка резкого сокращения и отмены прямых выборов мэров [4; 7; 23] тоже должна восприниматься с известной долей условности.

Во всяком случае, избрание на конкурсной основе главы городского округа Самара Е.В. Лапушкиной и мэра Тольятти Н.А. Ренца свидетельствуют об оптимальности этих отобранных на конкурсной основе кандидатур. Правда, этот вывод распространяется не на всех назначенных по конкурсу глав муниципалитетов. Впрочем, в тех же самых муниципалитетах до назначения глав на конкурсной основе проходили выборы глав, впоследствии разочаровавших своих избирателей, например глава Безенчукского района Самарской области, захвативший под аффилированные структуры управляющих компаний своей дочери всю систему ЖКХ города Безенчук.

Оценивая политические и правовые последствия ликвидации избирательного залога, следует констатировать, что реальная причина этой политико-правовой меры заключается не в финансовой подоплеке избирательного залога, а в том, что залог не позволяет власти отсеять неугодных кандидатов на стадии их регистрации. Зато регистрация по подписям позволяет отсеять кого угодно, тем более что с экспертов, проверяющих подписи избирателей и признающих их недостоверными, по закону не требуется подписка об уголовной ответственности за ложную экспертизу (что вообще является нонсенсом, противоречащим самой сути экспертизы).

Но все дело в том, что параллельно с отсеиванием неугодных кандидатов с помощью ликвидации избирательного залога решалась задача важнейшей государственной значимости – выстраивание партийной системы. Поскольку кандидаты стали понимать, что в качестве самовыдвиженцев по подписям зарегистрироваться им уже вряд ли удастся, они вынуждены вступить в какую-либо партию. А выстроенная партийная система – гарантия стабильности.

Итак, исследование определило основные проблемы современных выборов в России, в том числе уже озвученные в научной литературе [10; 12; 24]: 1) несовершенство избирательного законодательства; 2) недостаточность гарантирования принципов избирательного права и гарантий избирательных прав; 3) бюрократизация избирательного процесса; 4) отсутствие гарантий прозрачности цифровых технологий в сфере выборов;

¹³ Авакьян С.А. *А есть ли в России местное самоуправление? // Российская Федерация сегодня. 2009. № 16. С. 2–3, 20–22.*

5) отсутствие санкций и юридической ответственности за многие виды избирательных деликтов; 6) слабая судебная защита избирательных прав граждан; 7) необходимость повышения электоральной культуры и борьбы с абсентеизмом.

ВЫВОДЫ

Принятые ФЗ № 60 изменения усложняют деятельность как политических партий, так и кандидатов, принявших решение об участии в избирательных кампаниях, что может привести к увеличению количества жалоб со стороны кандидатов и избирательных объединений и отказу от участия в избирательных кампаниях. Реализовать свое конституционное право на участие в выборах в качестве кандидата стало еще сложнее.

Задача совершенствования избирательного законодательства еще более актуализируется. Как минимум для этого нужно: 1) признать избирательные законы конституционными (уставными) и впредь принимать (изменять) их только квалифицированным большинством, чтобы они не превращались в инструмент политики; 2) отменить институт повторных протоколов итогов выборов, ибо под видом повторных протоколов происходит фальсификация результатов выборов; 3) вернуть институт членов комиссий с совещательным голосом на уровне участковых избирательных комиссий; 4) вернуть институт избирательного залога; 5) вернуться к первоначальному проценту подписей избирателей (0,5 % от числа избирателей округа), необходимых для регистрации кандидата-самовыдвиженца.

Но пока эти меры не осуществлены, сам факт несовершенства избирательного законодательства и практики его применения на данном этапе убеждают нас в том, что принципы стабильности конституционного строя в вопросе выборов глав муниципалитетов должны превалировать над принципами ложно понятой демократии, когда главами муниципалитетов избираются «денежные мешки» либо популисты, которые больше занимаются политикой, а не конкретными хозяйственными и социальными вопросами, входящими в компетенцию местного самоуправления.

Наконец, при оценке ликвидации избирательного залога и ужесточения требований к выдвиженцам по подписям избирателей нельзя не учитывать того обстоятельства, что эти меры послужили построению партийной системы.

Итоговый вывод: наблюдающуюся тенденцию ущемления некоторых демократических принципов избирательного права и процесса нельзя оценивать вне конкретно-исторического анализа каждой политической ситуации, в том числе с учетом приоритета гарантирования стабильности конституционного строя, особенно в условиях современных вызовов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Быкова А.Г. К вопросу о способах замещения должности главы муниципального образования // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 2. С. 17–23.
2. Бялкина Т.М. О некоторых аспектах российского городского самоуправления в свете новой муници-

- пальной реформы // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 1. С. 62–66.
3. Ким Ю.В. Системные эффекты несистемных решений: о тенденциях развития системы местного самоуправления в современной России // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 5. С. 67–73.
 4. Костюков А.Н. Исчезающее народовластие // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 8. С. 61–64.
 5. Чихладзе Л.Т. Новые тенденции формирования органов местного самоуправления в Российской Федерации // Юридическая наука. 2017. № 1. С. 42–51.
 6. Шугрина Е.С. Новый этап муниципальной реформы или контрреформирование контрреформы // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 4. С. 68–71.
 7. Боброва Н.А., Иванов А.А. Ответственность государственной власти за реформу местного самоуправления (на примере Самарской области) // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2020. № 4. С. 21–25.
 8. Авакян С.А. Разделение властей: для каких уровней применять? // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 4. С. 15–26.
 9. Лукьянов А.И. Парламентаризм в России (вопросы теории, истории и практики). М.: Норма, 2010. 304 с.
 10. Колюшин Е.И. Актуальные проблемы избирательного права России. М.: Проспект, 2019. 224 с.
 11. Берлявский Л.Г. Источники и основные институты избирательного права. Глава 31 // Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России. В 12 т. Т. VI. Конституционное право России. М.: Юрлитинформ, 2021. С. 435–459.
 12. Старостина И.А. Конституционная направленность обновления власти на основе выборов в современной России // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 11. С. 51–56.
 13. Еремян В.В. Есть ли у компаративиста повод для оптимизма? (Российская Конституция как «зеркало» государственного строительства) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 2. С. 15–26.
 14. Боброва Н.А. Общетеоретический и межотраслевой аспекты юридической ответственности. М.: Юрлитинформ, 2019. 544 с.
 15. Курдюк П.М., Очаковский В.А., Лихолатов Г.С. О проблеме избрания главы муниципального образования «конкурсным» способом // Общество и право. 2018. № 2. С. 133–136.
 16. Власова М.А. Влияние конституционных реформ на юридическую науку // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 3. С. 58–64.
 17. Амиантов А.А. Перспективы демократизации системы местного самоуправления в случае отказа от прямых выборов муниципальных глав (на материалах ХМАО) // Образование и право. 2021. № 1. С. 19–23.
 18. Михайлова М.В., Побаев И.А. Размышления по итогам применения «конкурсного» порядка избрания глав муниципальных образований в Кировской области // Административное и муниципальное право. 2018. № 2. С. 33–44.
 19. Майкова Э.Ю., Симонова Е.В. Конкурсная модель избрания главы местного самоуправления в современной российской муниципальной практике: преимущества и недостатки // Власть. 2017. Т. 25. № 8. С. 83–89.
 20. Корсун К.И. Избрание глав муниципальных образований по конкурсу: ограничение народной власти или совершенствование института муниципального представительства? // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12. № 1. С. 22–27.
 21. Коньшева Е.Г. «Конкурсный» глава муниципально-образовательного образования: анализ и перспективы использования // Право и политика. 2020. № 11. С. 1–9.
 22. Боброва Н.А. Причины легализации избирательных правонарушений в судебных решениях // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 5. С. 62–66.
 23. Мухаметов Р.С., Позднякова Ю.А. Модели перехода на конкурсную систему избрания мэров: опыт муниципалитетов Свердловской области // Муниципалитет: экономика и управление. 2019. № 3. С. 41–48.
 24. Боброва Н.А. Конституционное право как инструмент управления будущим, или Итоги выборов-2016 // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 1. С. 45–48.

REFERENCES

1. Bykova A.G. On the question of filling the position of the head of municipality. *Vestnik Omskoy yuridicheskoy akademii*, 2016, no. 2, pp. 17–23.
2. Byalkina T.M. On some aspects of Russian city self-government in light of the new municipal reform. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2015, no. 1, pp. 62–66.
3. Kim Yu.V. Systemic effects of non-systemic decisions: on tendencies of development of the system of local self-government in modern Russia. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2015, no. 5, pp. 67–73.
4. Kostyukov A.N. Disappearing rule of the people. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2017, no. 8, pp. 61–64.
5. Chikhladze L.T. New trends in the formation of local self-government bodies in the Russian Federation. *Yuridicheskaya nauka*, 2017, no. 1, pp. 42–51.
6. Shugrina E.S. New stage of municipal reform or counter-reforming of counter-reforms? *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2015, no. 4, pp. 68–71.
7. Bobrova N.A., Ivanov A.A. Government responsibility for the local self-government reform (on the example of the Samara region). *Munitsipalnaya sluzhba: pravovye voprosy*, 2020, no. 4, pp. 21–25.
8. Avakyan S.A. Separation of powers: for which levels to apply? *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*, 2018, no. 4, pp. 15–26.
9. Lukyanov A.I. *Parlamentarizm v Rossii (voprosy teorii, istorii i praktiki)* [Parliamentarism in Russia (questions of theory, history and practice)]. Moscow, Norma Publ., 2010. 304 p.
10. Kolyushin E.I. *Aktualnye problemy izbiratel'nogo prava Rossii* [Actual problems of electoral law in Russia]. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 224 p.

11. Berlyavskiy L.G. Sources and basic institutions of electoral law. Chapter 31. *Formirovanie i razvitie otrasley prava v istoricheskoy i sovremennoy pravovoy realnosti Rossii. V 12 t. T. VI. Konstitutsionnoe pravo Rossii.* Moscow, Yurlitinform Publ., 2021, pp. 435–459.
12. Starostina I.A. The constitutional trend of renewal of government based on elections in modern Russia. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2019, no. 11, pp. 51–56.
13. Eremyan V.V. Whether the comparativist has the reason for optimism? (Russian constitution as “a mirror” of the state construction). *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*, 2018, no. 2, pp. 15–26.
14. Bobrova N.A. *Obshcheteoreticheskiy i mezhotraslevoy aspekty yuridicheskoy otvetstvennosti* [The theoretical and inter-industry aspects of legal responsibility]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2019. 544 p.
15. Kurdyuk P.M., Ochakovskiy V.A., Likholatov G.S. On the issue of electing the head of a municipal formation in a “competitive” way. *Obshchestvo i pravo*, 2018, no. 2, pp. 133–136.
16. Vlasova M.A. The impact of constitutional reforms on legal science. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost*, 2021, no. 3, pp. 58–64.
17. Amiantov A.A. Prospects for the democratization of the local self-government system in the event of refusal from indirect elections of municipal heads (based on materials from the Khanty-Mansi autonomous area). *Obrazovanie i pravo*, 2021, no. 1, pp. 19–23.
18. Mikhaylova M.V., Pibaev I.A. Reflections on the results of the application of the “competitive” procedure for electing the heads of municipalities in the Kirov region. *Administrativnoe i munitsipalnoe pravo*, 2018, no. 2, pp. 33–44.
19. Maykova E.Yu., Simonova E.V. Competitive model of election of the head of local self-government in the modern Russian municipal practice: advantages and shortcomings. *Vlast*, 2017, vol. 25, no. 8, pp. 83–89.
20. Korsun K.I. Election of heads of municipalities on a competitive basis: restriction of people's power or improvement of the institution of municipal representation? *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2021, vol. 12, no. 1, pp. 22–27.
21. Konyshcheva E.G. “Competitive” head of municipality: analysis and prospects of implementation. *Pravo i politika*, 2020, no. 11, pp. 1–9.
22. Bobrova N.A. Reasons for legalization of election legal offences in judicial decisions. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2015, no. 5, pp. 62–66.
23. Mukhametov R.S., Pozdnyakova Yu.A. Models of transition to the competitive system of mayor election: experience of municipalities of the Sverdlovsk region. *Munitsipalitet: ekonomika i upravlenie*, 2019, no. 3, pp. 41–48.
24. Bobrova N.A. Constitutional law as a tool for controlling future, or results of elections 2016. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2017, no. 1, pp. 45–48.

The analysis of some electoral laws: democracy infringement or a guarantee for constitutional order stability?

© 2022

N.A. Bobrova, Doctor of Sciences (Law), Professor,
professor of Chair “Constitutional and Administrative Law”, Honored Lawyer of the Russian Federation
Togliatti State University, Togliatti (Russia)
V.V. Soshnikov, Faction Secretariat Counselor
Samara Regional Duma, Samara (Russia)

Keywords: election; electoral legislation; non-voting members of the electoral commissions; electronic voting; Heads of Local Self-Government; election pledge; Federal Law No. 67.

Abstract: The purpose of the paper is to analyze the competition of principles of electoral process democratic nature, on the one hand, and the principles of constitutional order stability, on the other hand. The authors consider several significant changes in Federal law “On basic protections of electoral rights and the right to participate in a referendum of citizens of the Russian Federation” of the 12th of July, 2002 No. 67-FZ, including the latest changes dated the 14th of March, 2022. Nearly before each election of federal importance, the amendments are being made to federal law No. 67; therefore, electoral law becomes an elastic policy instrument. About three hundred amendments have been introduced for two decades of this federal law action. The paper analyzes several most significant changes in the RF electoral legislation for the last decade, which most notably influenced the current appearance of the direct democracy in Russia: the election pledge abolition, mass reduction of the institution of direct election of heads of local self-government, the abolition of the institution of non-voting members of the electoral commissions (in electoral commissions of under-regional level), the reduction of powers of non-voting members of the electoral commissions in the RF Central Election Commission and election commissions of the constituent entities of the Russian Federation; the introduction of electronic voting in the election of all levels and types throughout the Russian Federation. The paper considers the consequences of these electoral laws for the principles of democracy and competing principles of constitutional order stability. The authors conclude on the priority of the principles of the constitutional order stability over the principles of democracy of the electoral process, although this priority has certain specific historical reasons, as well as the limits.

К вопросу об оценке показаний подозреваемого, обвиняемого в российском уголовном процессе

© 2022

С.И. Вершинина, доктор юридических наук, доцент, директор Института права
И.Л. Вершинин, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: показания подозреваемого; показания обвиняемого; оценка показаний; принуждение к показаниям; участие защитника; недопустимость доказательств.

Аннотация: В статье критически оценивается сложившаяся в российском уголовном судопроизводстве практика, когда досудебные показания подозреваемого, обвиняемого помимо его воли включаются в доказательственную базу и используются при доказывании его виновности. Проанализировав факторы, влияющие на оценку показаний подозреваемого, обвиняемого, авторы подвергли критике установленный законом «двойной стандарт», применяемый при оценке показаний, полученных в присутствии защитника либо без его участия. Обосновано, что действующее правовое регулирование закрепляет различный объем процессуальных возможностей для защиты подсудимым своих интересов, обусловленный наличием или отсутствием защитника в досудебном производстве. Наибольший ущерб при защите интересов причиняется, как это ни парадоксально, тем подсудимым, которые пользовались помощью защитника в досудебном производстве. Изучив российскую и международную практику оценки показаний подозреваемого, обвиняемого и проанализировав действующее российское законодательство, авторы выявили существующие противоречия и обосновали необходимость совершенствования Уголовно-процессуального кодекса РФ в части исключения положений, допускающих использование не подтвержденных подсудимым показаний, данных в присутствии защитника. С учетом того, что основные споры возникают при оценке так называемых «признательных» показаний подозреваемых, обвиняемых, отдельное внимание уделено исследованию этой проблемы, в том числе в разрезе признаваемой в России научной концепции «плоды отравленного дерева». Выход из существующего противоречия авторы видят в нивелировании значимости показаний подозреваемого, обвиняемого в случаях, когда он не подтверждает их в судебном заседании, независимо от того, участвовал в допросе защитник или не участвовал.

ВВЕДЕНИЕ

В уголовно-процессуальной науке проблемы допустимости доказательств всегда находятся под пристальным вниманием ученых. Особое внимание уделяется вопросу допустимости первичных показаний подозреваемого, обвиняемого. В решениях этой проблемы представлены различные точки зрения – от исключения нормы, признающей показания недопустимым доказательством [1–3], до полного одобрения законодательной мысли и необходимости ее дальнейшего совершенствования в этом направлении [4; 5]. Придерживаясь мнения второй группы ученых, рассмотрим способы и направления дальнейшего совершенствования данного института с позиции соблюдения баланса в обеспечении прав и свобод человека и интересов общества.

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) к недопустимым доказательствам относятся показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде. Данное правило не распространяется на показания, полученные с участием защитника. Присутствие защитника на допросе в ходе предварительного расследования позволяет в дальнейшем судебном заседании, в случае отказа подсудимого от дачи показаний либо дачи противоречащих показаний, оглашать досудебные показания, при-

знавать их допустимым доказательством и учитывать при постановлении приговора по уголовному делу.

Если учесть, что при отказе от ранее данных показаний подсудимые, как правило, ссылаются на формальное участие защитника, вступившего в уголовное дело по назначению органа расследования, то следует отметить, что этическая сторона рассматриваемого вопроса отнюдь не безупречна: защитник выступает не как лицо, оказывающее помощь в защите от обвинения, а как помощник стороны обвинения, создающий условия для формирования доказательств обвинения. Наибольший перекос в защите интересов обвиняемого, подозреваемого наблюдается при допуске защитника в порядке назначения к лицу, заявляющему отказ от защитника. Получается, что первоначально органы расследования вопреки желанию обвиняемого вводят в уголовный процесс адвоката в качестве защитника, а затем суд признает полученные при участии защитника показания обвиняемого допустимым доказательством. При таком подходе создаются благоприятные условия для совершения должностными лицами процессуальных действий с нарушением требований закона, что ставит под сомнение допустимость полученных доказательств и нарушает права участников. Игнорирование законодателем данных проблем позволяет зарубежным криминологам утверждать, что эффективность российского судопроизводства увеличивается только за счет признания обвиняемыми своей вины [6]. В то же время для устранения обозначенных дефектов и исправления ситуации достаточно установить единый подход к оценке

досудебных показаний подозреваемого, обвиняемого независимо от участия или неучастия защитника.

Цель работы – определение дефектов уголовно-процессуальных норм, устанавливающих критерии оценки показаний подозреваемого, обвиняемого, данных в досудебном производстве, а также определяющих порядок использования показаний в доказывании вины подсудимого, и разработка на этой основе предложений по совершенствованию действующего законодательства.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основу исследования составляют общенаучные методы диалектического материализма, обуславливающие необходимость изучения социальных процессов в их развитии и взаимообусловленности. При определении эффективности правовых норм, регламентирующих порядок оценки показаний подозреваемого, обвиняемого, применялись частноправовые методы исследования, такие как сравнительное правоведение и формально-юридический метод. При работе с судебными актами использовались общепринятые юридические приемы, позволившие проанализировать более 100 судебных решений, обобщить полученные результаты и обосновать пути и способы совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Влияние защитника на допустимость показаний обвиняемого

В соответствии с ч. 2 ст. 46 УПК РФ, при задержании подозреваемого орган расследования в течение 24 часов обязан его допросить. Согласно ч. 1 ст. 173 УПК РФ обвиняемый подлежит допросу немедленно после предъявления ему обвинения. Как видно, первый допрос всегда проводится в ситуации психологического напряжения допрашиваемого. И, хотя перед допросом лицу разъясняются его процессуальные права, в том числе право давать объяснения и показания по поводу имеющегося в отношении его подозрения или обвинения либо отказаться от их дачи, не каждый способен правильно оценить ситуацию и принять решение. Участие защитника на этом этапе направлено на то, чтобы помочь лицу определить свою позицию относительно возникшего подозрения или обвинения и выстроить линию защиты. Защитник ни прямо, ни косвенно не может участвовать в обвинении своего подзащитного.

Тем не менее в УПК РФ предусмотрены нормы, согласно которым показания подозреваемого, обвиняемого могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, только если они даны в присутствии защитника. На первый взгляд, действующее правовое регулирование мотивирует органы расследования допускать защитника к подозреваемому, обвиняемому, защищая тем самым последнего от незаконных методов воздействия. Однако на практике проявился противоположный эффект рассматриваемого явления: участие защитника стало не столько гарантией получения подозреваемым, обвиняемым квалифицированной юридической помощи, сколько гарантией последующего при-

знания допустимости доказательств, полученных стороной обвинения в досудебном производстве.

Доказательственное значение протокола допроса подозреваемого обвиняемого, как следует из положений п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, обусловлено двумя факторами: либо участием защитника, либо подтверждением данных показаний в суде. Такая модель правового регулирования допускает явное несоответствие объема правовой защиты интересов обвиняемого, обеспечивающей свою защиту самостоятельно, и обвиняемого, имеющего защитника. Обвиняемый, защищающий себя самостоятельно, находится в более выгодном положении: он вправе отказаться в суде от любых показаний, данных в ходе предварительного расследования, независимо от того, были допущены нарушения норм УПК РФ или нет. Это очень важная гарантия, позволяющая реализовать предусмотренное международными нормами право лица не быть принуждаемым к даче показаний против самого себя или к признанию себя виновным¹. Для суда доказательственное значение приобретают только те показания, которые подсудимым не оспариваются либо которые были даны им в судебном заседании.

Принципиально иное положение у обвиняемого, интересы которого в досудебном производстве защищал адвокат. Полученные в ходе допроса с участием защитника показания подозреваемого, обвиняемого могут быть использованы и, как правило, используются в качестве доказательств по уголовному делу, несмотря на то, что подсудимый отказывается от этих показаний в судебном заседании. Заявляемые подсудимым доводы о том, что при даче показаний был нарушен процессуальный порядок, трудно доказуемы, если не зафиксированы следы нарушений. Правоприменительная практика исходит из того, что присутствие адвоката при допросе само по себе является гарантией соблюдения процессуального порядка. В уголовно-процессуальной науке также утвердилось мнение, что участие адвоката-защитника в следственных действиях исключает возможность получения показаний с использованием не процессуальных способов воздействия [7]. Поэтому при подтверждении факта участия защитника в ходе судебной проверки с участием сторон и отсутствии процессуальных нарушений суд примет решение о допустимости показаний обвиняемого, подозреваемого независимо от возражений подсудимого. При этом стоит отметить, что процедура проверки показаний подсудимого так и не получила надлежащего правового регулирования. Более того, эти вопросы остались вообще вне правового поля. Не случайно в уголовно-процессуальной науке высказано мнение, что проверка показаний обвиняемого «представляет особую проблему, не нашедшую своего разрешения на должном уровне ни в литературе, ни на практике» [8].

Признание участия адвоката в допросе обвиняемого, подозреваемого ключевым фактором, обуславливающим допустимость получаемых показаний, привело к тому, что органы расследования стали рассматривать присутствие защитника как обязательное условие в тех

¹ *Международный пакт о гражданских и политических правах: принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН.*

случаях, когда есть вероятность, что допрашиваемый даст так называемые «признательные» показания. Объясняется это тем, что участие защитника при допросе подозреваемого автоматически снимает в дальнейшем судопроизводстве все вопросы о допустимости полученных показаний и их использовании для обоснования виновности лица. Именно этим можно объяснить заинтересованность следователя в привлечении к участию в допросе защитника, несмотря на отсутствие соответствующих ходатайств со стороны подозреваемого или обвиняемого, а иногда и вопреки его воле.

Правовым основанием для допуска защитника в производство по уголовному делу при отказе лица от защитника, является положение, предусмотренное ч. 2 ст. 52 УПК РФ, согласно которому «отказ от защитника не обязателен для дознавателя, следователя и суда». В дальнейшем при отказе подсудимого от своих показаний, данных в ходе предварительного расследования, все силы и средства судебного доказывания направляются на то, чтобы обосновать законность и допустимость сведений, изложенных ранее в ходе допроса. Процедура введения досудебных показаний в судебное разбирательство устанавливается ст. 276 УПК РФ, предусматривающей порядок оглашения показаний подсудимого, данных при производстве предварительного расследования, при наличии существенных противоречий между досудебными и судебными показаниями либо при отказе от дачи показаний.

Сказанное порождает разумные сомнения относительно добросовестности участия защитника в защите прав и интересов подозреваемых и обвиняемых против их желания и корректности использования полученных при этом показаний в качестве доказательств обвинения. Полагаем, что законодатель не должен рассматривать участие защитника как условие, влияющее на допустимость показаний подозреваемого, обвиняемого вопреки его воле. Только подтверждение подсудимым данных ранее показаний, признание их в качестве доказательств может вызывать их допустимость и использование при постановлении приговора.

При исключении из закона роли защитника в допустимости показаний орган расследования будет заинтересован не в оформлении показаний как доказательства для суда, а в получении ориентирующей информации, используя которую можно сформировать достаточную совокупность доказательств обвинения. Каждый следователь, дознаватель должны понимать, что независимо от позиции подсудимого, от подтверждения или неподтверждения им данных ранее показаний сторона обвинения должна представить в суд достаточную совокупность доказательств для вынесения обоснованного и справедливого приговора.

Влияние подсудимого на допустимость собственных показаний

Второй фактор допустимости показаний подозреваемого, обвиняемого зависит от подсудимого и проявляется в подтверждении им в суде ранее данных показаний. Не подтвержденные подсудимым показания, полученные в отсутствие защитника, являются недопустимыми. Похожая норма, за исключением участия защитника, содержится в Федеральных правилах о доказательствах США, выделяющих отдельный перечень

доказательств, являющихся недопустимыми в связи с тем, что они направлены против обвиняемого, признавшего свою вину в совершении преступления (правило 410). Первым в перечне недопустимых доказательств указано «признание вины, от которого обвиняемый впоследствии отказался» [9, с. 41]. Недопустимым доказательством, согласно Федеральным правилам, является также любое заявление обвиняемого, касающееся признания вины либо отказа обвиняемого оспаривать предъявленное обвинение. Если обвиняемый участвовал в обсуждении сделки о признании вины, но сделка не была заключена, все сделанные им заявления также будут признаваться в суде недопустимым доказательством.

В российском законодательстве данные моменты не детализированы, однако смысл п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ понимается однозначно: в ситуации, когда показания получены без участия защитника, именно подсудимый решает вопрос об их использовании в доказывании. На наш взгляд, это не только разумный, но и гуманный шаг, сделанный законодателем в отношении лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Именно подсудимый должен принимать решение о возможности использования в суде данных им ранее показаний. При этом указанная мера несколько не умаляет и не ущемляет интересы общества и государства, так как согласно ч. 2 ст. 77 УПК РФ для обвинения лица в совершении преступления недостаточно только его признания – необходима совокупность других доказательств. Кстати, последнее законодательное предписание позволило отдельным ученым говорить о меньшей юридической силе показаний обвиняемого по сравнению с другими доказательствами [10].

Возникает вопрос, почему данное положение не применяется к показаниям подозреваемого, обвиняемого, полученным в присутствии защитника? Очевидно, что юридическая ценность участия защитника и подтверждение подсудимым показаний в суде, не сопоставимы. Это разнополярные факторы, не связанные напрямую друг с другом и не взаимозаменяемые. Участие защитника никоим образом не может повышать или понижать доказательственную ценность показаний обвиняемого, а подтверждение подсудимым своих показаний не может зависеть от вступления в уголовный процесс других участников. Логично и справедливо уравнивать всех подсудимых в процессуальном праве подтверждать либо не подтверждать ранее данные показания, вне связи с реализацией ими каких-либо процессуальных прав, в том числе права на участие защитника. Такое решение вопроса вполне логично, если учитывать, что допрос, как следует из постановления по знаменитому делу «Миранда против Аризоны», всегда носит принудительный характер².

Действительно, дача подозреваемым или обвиняемым показаний редко бывает добровольной и желанной, особенно в условиях угрозы или реального применения к ним задержания и заключения под стражу. Скрытая, или латентная, принудительность к даче

² *Предупреждение Миранды перед допросом под стражей // FindLaw for legal professionals.*
URL: <https://codes.findlaw.com/mt/title-46-criminal-procedure/mt-code-ann-sect-46-6-107.html>.

показаний характерна не только для российского судопроизводства. Из исследований американских ученых А.Е. Lerman, А.Л. Green, Р. Dominguez следует, что предварительное заключение под стражу является фактором, влияющим на результаты судебного разбирательства. Как установили авторы, подсудимые, в отношении которых применен досудебный арест, с гораздо большей вероятностью признают себя виновными при прочих равных условиях [11]. Основными причинами, побудившими соглашаться на признание вины, даже когда обвиняемые заявляли о своей невинности, является перспектива содержаться в антисанитарных и небезопасных условиях тюрьмы, а также негативные последствия для трудовой занятости и семейных отношений. Несколько иная ситуация описывается в научных исследованиях китайских ученых. Основная проблема «признательных» показаний в КНР заключается в том, что определенная часть таких показаний является результатом применения незаконных методов допроса [12], что порождает ложные признания вины и ставит перед учеными задачу по совершенствованию уголовного процесса.

Предоставление всем подсудимым права на подтверждение либо неподтверждение данных ранее показаний полностью исключает любые попытки недобросовестного ведения производства по уголовному делу. Реализация этого решения в уголовно-процессуальном законодательстве вызовет никчемность, бесплодность затраченных усилий недобросовестных правоохранителей, на что в свое время указывал В.М. Савицкий [13].

Еще одно «узкое» место в оценке показаний подозреваемого связано с проблемой тиражирования этого доказательства в другие виды доказательств, например показания обвиняемого, проверка показаний на месте, чтобы тем самым компенсировать отсутствие либо недостаточное количество обвинительных доказательств по делу. На указанную проблему ученые обращали внимание еще в период действия УПК РСФСР [14], однако до сих пор ситуация не изменилась: в соответствии с УПК РФ показания подозреваемого, показания обвиняемого, проверка показаний на месте и остальные виды доказательств, формируемые с участием подозреваемого или обвиняемого, рассматриваются законом в качестве самостоятельных доказательств, что позволяет учитывать их в общей совокупности обвинительных доказательств³. Поэтому, определяя пределы влияния подсудимого на допустимость досудебных доказательств, следует отметить, что право подсудимого подтверждать либо не подтверждать доказательства должно распространяться на все его объяснения и показания, полученные при допросе, очной ставке и т. д.

Нормы закона, регулирующие порядок производства допроса в ходе предварительного расследования, достаточно ясно раскрывают цель проводимого следственного действия – получение от лица информации по поводу имеющегося подозрения или обвинения с целью ее дальнейшей проверки. В криминалистической науке общепризнано, что содержание протокола допроса по-

дозреваемого, обвиняемого должно составлять максимально полное и детализированное изложение сведений об обстоятельствах совершенного преступления [15], сведений, на основании которых орган расследования планирует и проводит другие следственные действия, создавая тем самым доказательственную базу обвинения и делая ее достаточной для изобличения лица либо установления самоговора. Полученные при допросе сведения используются органом расследования не только для формирования обвинительной базы, но и для установления (подтверждения) непричастности лица к совершенному преступлению. И в том, и в другом случае показания обвиняемого выступают основанием для новых доказательств, получаемых уже без непосредственного участия подозреваемого, обвиняемого. Допустимость таких доказательств не может зависеть от позиции подсудимого, на них распространяются общие правила допустимости доказательств, обозначенные ч. 1 ст. 75 УПК РФ.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Научные и процессуальные дискуссии относительно оценки показаний подозреваемого, обвиняемого разворачиваются большей частью в отношении так называемых «признательных» показаний, данных в присутствии защитника, от которых подсудимый отказался в судебном заседании. Признание таких показаний допустимым доказательством на основании п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ означает, что они могут быть положены в основу приговора, устанавливая виновность лица в инкриминируемом преступлении.

Между тем о пагубности переоценки законодателем признания вины писал еще А.Я. Вышинский, которому незаслуженно⁴ приписывается авторство цитаты «Признание вины – царица доказательств»: «Нельзя признать правильными такую организацию и такое направление следствия, которые основную задачу видят в том, чтобы получить обязательно "признательные" объяснения обвиняемого. Такая организация следствия, при которой показания обвиняемого оказываются главными и – еще хуже – единственными устоями всего следствия, способна поставить под удар всё дело в случае изменения обвиняемым своих показаний или отказа от них» [16, с. 180].

К сожалению, следует констатировать, что для российского законодателя и, как следствие, для правоприменителя до сих пор очень важно получить от обвиняемого признание вины либо его суррогат – доказательство того, что подсудимый, будучи подозреваемым или обвиняемым, признавал себя виновным. Не случайно, если в судебном разбирательстве подсудимый не подтверждает данные ранее показания, в которых признавал свою вину в присутствии защитника, усилия судебной системы будут направлены на то, чтобы доказать, что когда-то он говорил обратное. Установленное в таком

³ Шевяков М. О царице доказательств в российском уголовном процессе // Закон.ру. URL: https://zakon.ru/blog/2021/5/21/o_carice_dokazatelstv_v_rossijskom_ugolovnom_processe.

⁴ Нестеров В. Службы испорченных цитат: любимая «царица» прокурора Вышинского // Подумалось мне часом: канал на Яндекс Дзен. URL: https://zen.yandex.ru/media/vad_nes/slujba-isporchennyh-citat-liubimaia-carica-prokurora-vyshinskogo-5c99ffb923be200b35872d6.

порядке «признание» позволит суду использовать первичные показания подсудимого в качестве допустимых доказательств и положить их в основу обвинения наряду с другими доказательствами. Отмеченные признаки свидетельствуют о том, что российское правосудие остается ориентированным на наличие факта признания вины, что закономерно порождает со стороны органов расследования действия, направленные на получение такого признания и обеспечения его допустимости в качестве доказательства.

Вместе с тем в действующем уголовно-процессуальном праве России есть инструмент, нивелирующий значимость «признательных» показаний. В таком качестве выступает ч. 2 ст. 77 УПК РФ, предусматривающая, что «признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств». Основная мысль данного положения заключается в том, что независимо от наличия либо отсутствия признания обвиняемого для признания лица виновным в совершении преступления должна быть получена достаточная совокупность доказательств [17–19].

В связи с этим появляется закономерный вопрос: если виновность подсудимого в совершении преступления подтверждается достаточной совокупностью доказательств, помимо его показаний, с какой целью суд тратит значительное время и ресурсы для проверки и оценки досудебных показаний, от которых подсудимый отказался в судебном заседании? Анализ обвинительных приговоров подтверждает, что значительная часть судебного разбирательства посвящается исследованию и доказыванию допустимости данных ранее показаний подсудимых. Это тем более удивительно, что в изученных нами приговорах содержится достаточная совокупность доказательств обвинения, на основании которых суды делают вывод о виновности подсудимых.

Корень проблемы, как мы полагаем, заключается в следующем. «Признательные» показания подозреваемого, обвиняемого – одно из доказательств стороны обвинения. Получив признание лица в совершении преступления, орган расследования проводит и другие следственные действия, формируя новые доказательства, часть из которых основана на показаниях подозреваемого, обвиняемого [20]. В такой ситуации признание показаний подозреваемого или обвиняемого недопустимым доказательством ставит под угрозу другие доказательства, полученные на их основе, и в конечном итоге создает угрозу для осуществления правосудия.

Зависимость производных доказательств от показаний обвиняемого связана с широко известной в англосаксонском праве научной концепцией «плоды отравленного дерева», которая также признается значительным количеством российских ученых и правоприменителей, хотя и не нашла отражения в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве. Согласно этой концепции, доказательство, полученное с нарушением закона, является недопустимым; доказательства, полученные на его основе, также являются недопустимыми и не могут использоваться для доказывания виновности лица. Уже с первых дней применения УПК РФ российские ученые, ориентируясь на концепцию «плоды отравленного дерева», указывали на недопустимость ис-

пользования доказательств, полученных на основе сведений, сообщенных обвиняемым на допросе в отсутствие адвоката [21; 22], что предопределило характер правоприменительной деятельности и повысило значимость досудебных «признательных» показаний в оценке других доказательств. Однако такая точка зрения достаточно спорна.

Применение концепции «плоды отравленного дерева» к показаниям обвиняемого и производным от него доказательствам имеет определенные особенности. Наряду с общим основанием недопустимости доказательств – нарушением норм законодательства, составляющим суть концепции «плоды отравленного дерева», закон выделяет специальные основания признания доказательств недопустимыми, которые не связаны с нарушением законодательства. Это означает, по мнению К.И. Сутягина, что между общими и специальными основаниями недопустимости должны существовать различия в процедуре и последствиях признания, а также в применении доктрины «плоды отравленного дерева» [23]. Если ч. 1 ст. 75 УПК РФ, связанная с нарушениями закона, полностью поглощается рассматриваемой концепцией, то применение п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ находится за ее пределами, так как недопустимость доказательства не связана с какими-либо нарушениями. Соответственно, и последствия признания показаний обвиняемого недопустимыми по указанной норме не должны влиять на допустимость производных от них доказательств. Полагаем, что такая позиция вполне убедительна и должна быть воспринята законодателем.

Для реализации данного предложения требуется корректировка положений закона, предусматривающих обязанность органа расследования предупреждать подозреваемого (п. 2 ч. 4 ст. 46 УПК РФ), обвиняемого (п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ), что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу. Во-первых, следует исключить текст «в том числе при последующем отказе от этих показаний». Только подсудимый должен определять допустимость своих показаний и объяснений. Во-вторых, показания обвиняемого могут использоваться для получения других доказательств по уголовному делу; неподтверждение подсудимым своих досудебных показаний не может влиять на допустимость других доказательств, полученных из других источников в установленном порядке.

В качестве дополнительного аргумента приведем еще одно высказывание А.Я. Вышинского, которое полно и емко раскрывает значимость показаний обвиняемого: «Если другие обстоятельства, установленные по делу, *доказывают* виновность привлеченного к ответственности лица, то сознание этого лица теряет значение доказательства и в этом отношении становится излишним. Его значение в таком случае может свестись лишь к тому, чтобы явиться основанием для оценки тех или других нравственных качеств подсудимого, для понижения или усиления наказания, определяемого судом» [16, с. 177].

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

В сравнении с УПК РСФСР положения действующего УПК, определяющие критерии допустимости доказательств, – значительный шаг к построению гуманной

и справедливой процедуры оценки показаний подозреваемого, обвиняемого, который, к сожалению, решил проблему лишь частично. Рассмотренные нормы исключают показания подозреваемого, обвиняемого в качестве допустимого доказательства, если они получены в отсутствие защитника и не подтверждены им в суде, но оставляют вне действия данного правила показания, полученные с участием защитника. Для обеспечения единого подхода к оценке показаний подозреваемого, обвиняемого и создания условий для соблюдения ч. 2 ст. 77 УПК РФ, предусматривающей, что признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств, предлагаем:

1. Изменить п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ «Недопустимые доказательства» следующим образом: «К недопустимым доказательствам относятся: 1) любые показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде».

2. Изменить второе предложение п. 2 ч. 4 ст. 46 «Подозреваемый» УПК РФ следующим образом: «При согласии подозреваемого дать показания он должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы для получения других доказательств по уголовному делу, а также в качестве доказательств по уголовному делу, за исключением случая, предусмотренного пунктом 1 части второй статьи 75 настоящего Кодекса».

3. Изменить второе предложение п. 3 ч. 4 ст. 47 «Обвиняемый» УПК РФ следующим образом: «При согласии обвиняемого дать показания он должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы для получения других доказательств по уголовному делу, а также в качестве доказательств по уголовному делу, за исключением случая, предусмотренного пунктом 1 части второй статьи 75 настоящего Кодекса».

4. Изменить ч. 1 ст. 276 УПК РФ «Оглашение показаний подсудимого» следующим образом:

1. Оглашение показаний подсудимого, данных при производстве предварительного расследования, а также воспроизведение приложенных к протоколу допроса материалов фотографирования, аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки его показаний могут иметь место в следующих случаях:

1) по ходатайству подсудимого или защитника, если соблюдены требования пункта 3 части четвертой статьи 47 настоящего Кодекса;

2) по ходатайству сторон, когда уголовное дело рассматривается в отсутствие подсудимого в соответствии с частями четвертой и пятой статьи 247 настоящего Кодекса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кипнис Н.М. Допустимость доказательств по новому УПК // Возможности защиты в рамках нового УПК России: сборник трудов конференции. М.: ЛексЭст, 2003. С. 10–47.
- Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2008. 238 с.
- Козловский П.В. Отдельные аспекты недопустимости показаний подозреваемого и обвиняемого // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2012. № 1. С. 143–146.
- Лупинская П.А. Доказательственное право в УПК РФ // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной принятию нового уголовно-процессуального кодекса РФ: сборник трудов конференции. М.: Профобразование, 2002. С. 81–83.
- Горбачев А. Признание обвиняемого – «особо убедительное доказательство»? // Российская юстиция. 2004. № 6. С. 38–40.
- Sung H.-E. Democracy and criminal justice in an inter-ethnic perspective: from fighting crime to due process. May 2006 // Annals of the American Academy of Political and Social Sciences. 2006. Vol. 605. № 1. P. 311–337. DOI: [10.1177/0002716206287546](https://doi.org/10.1177/0002716206287546).
- Арсенова Н.В. Допустимость показаний подозреваемого (обвиняемого), признающего свою вину в совершении преступления, в качестве доказательства по уголовному делу // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2014. № 2. С. 14–18.
- Перекрестов В.Н. Проблема обеспечения гарантий допустимости признательных показаний // Российская юстиция. 2009. № 8. С. 55–57.
- Щербаков С.В. Допустимость доказательств в американском уголовном доказательственном праве // Евразийский юридический журнал. 2010. № 1. С. 37–43.
- Трефилов А.А. Десять особенностей института доказывания в уголовном процессе Швейцарии: сравнительно-правовой анализ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 5. С. 110–115.
- Lerman A.E., Green A.L., Dominguez P. Pleading for Justice: Bullpen Therapy, Pre-Trial Detention, and Plea Bargains in American Courts // Crime & Delinquency. 2021. Vol. 68. № 2. P. 159–182. DOI: [10.1177/0011128721999339](https://doi.org/10.1177/0011128721999339).
- Davies M., Shen A. Questioning suspected offenders: The investigative interviewing process in the People's Republic of China // Criminology & Criminal Justice. 2010. Vol. 10. № 3. P. 243–259. DOI: [10.1177/1748895810370324](https://doi.org/10.1177/1748895810370324).
- Савицкий В.М. Перед судом присяжных: виновен или не виновен. М.: Серил, 1995. 91 с.
- Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж: Воронежский университет, 1995. 272 с.
- Руководство для следователей / под ред. В.В. Мозякова. М.: Экзамен, 2005. 912 с.
- Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М.: Юрическое издательство НКЮ СССР, 1941. 218 с.
- Лебедев Н.Ю., Степанов С.А. Значение и проблемы установления достоверности и достаточности доказательств в уголовном судопроизводстве // Алтайский юридический вестник. 2022. № 2. С. 115–119.
- Брянская Е.В., Лантух Э.В., Хлыстова Н.Б. Пределы доказывания и достаточность в свете концепции ключевых доказательств в уголовном судопроизводстве

- России // Сборник научных работ серии «Право». 2021. № 4. С. 215–227.
19. Сеницын А.А. Особенности оценки достаточности доказательств судом в стадии судебного разбирательства в первой инстанции по уголовным делам // Закон и право. 2019. № 7. С. 122–126.
 20. Николаева Т.А. Показания подозреваемого, обвиняемого как источник доказательств при осуществлении уголовного преследования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 3. С. 206–210.
 21. Лупинская П.А. Доказательства и доказывание в новом уголовном процессе // Российская юстиция. 2002. № 7. С. 5–8.
 22. Зубарев А.А. Институт недопустимых доказательств в уголовном процессе России // Научный портал МВД России. 2010. № 1. С. 39–43.
 23. Сутягин К.И. Применение доктрины «плодов отравленного дерева» при оценке допустимости доказательств требует корректировки // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 3. С. 56–59.
- #### REFERENCES
1. Kipnis N.M. Admissibility of evidence according to the new Code of Criminal Procedure. *Vozможности zashchity v ramkakh novogo UPK Rossii: sbornik trudov konferentsii*. Moscow, LeksEst Publ., 2003, pp. 10–47.
 2. Sheyfer S.A. *Dokazatelstva i dokazyvanie po ugovolnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya* [Evidence and proof in criminal matters: problems of theory and legal regulation]. Moscow, Norma Publ., 2008. 238 p.
 3. Kozlovskiy P.V. Certain aspects of the admissibility of statements made by suspects and the accused. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2012, no. 1, pp. 143–146.
 4. Lupinskaya P.A. Law of evidence in the RF Code of Criminal Procedure. *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy prinyatiyu novogo ugovolno-protsessualnogo kodeksa RF: sbornik trudov konferentsii*. Moscow, Profobrazovanie Publ., 2002, pp. 81–83.
 5. Gorbachev A. Admission of an accused – an “especially satisfactory evidence”? *Rossiyskaya yustitsiya*, 2004, no. 6, pp. 38–40.
 6. Sung H.-E. Democracy and criminal justice in an inter-ethnic perspective: from fighting crime to due process. *Annals of the American Academy of Political and Social Sciences*, 2006, vol. 605, no. 1, pp. 311–337. DOI: [10.1177/0002716206287546](https://doi.org/10.1177/0002716206287546).
 7. Arsenova N.V. The admissibility of evidence of a suspect (accused) admitting guilt in committing a crime as an evidence for a criminal case. *Vestnik Barnaulskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2014, no. 2, pp. 14–18.
 8. Perekrestov V.N. The problem of ensuring the confession admissibility. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2009, no. 8, pp. 55–57.
 9. Shcherbakov S.V. The admissibility of evidence in American criminal law of evidence. *Evrasiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2010, no. 1, pp. 37–43.
 10. Trefilov A.A. Top ten features of the evidence institute in Swiss criminal process: a comparative study. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, 2017, no. 5, pp. 110–115.
 11. Lerman A.E., Green A.L., Dominguez P. Pleading for Justice: Bullpen Therapy, Pre-Trial Detention, and Plea Bargains in American Courts. *Crime & Delinquency*, 2021, vol. 68, no. 2, pp. 159–182. DOI: [10.1177/0011128721999339](https://doi.org/10.1177/0011128721999339).
 12. Davies M., Shen A. Questioning suspected offenders: The investigative interviewing process in the People’s Republic of China. *Criminology & Criminal Justice*, 2010, vol. 10, no. 3, pp. 243–259. DOI: [10.1177/1748895810370324](https://doi.org/10.1177/1748895810370324).
 13. Savitskiy V.M. *Pered sudom prisyzhnykh: vinoven ili ne vinoven* [Before the jury trial: guilty or not guilty]. Moscow, Serial Publ., 1995. 91 p.
 14. Kokorev L.D., Kuznetsov N.P. *Ugovolnyy protsess: dokazatelstva i dokazyvanie* [Criminal procedure: evidence and proof]. Voronezh, Voronezhskiy universitet Publ., 1995. 272 p.
 15. Mozyakov V.V., ed. *Rukovodstvo dlya sledovateley* [The guidance for crime investigators]. Moscow, Ekzamen Publ., 2005. 912 p.
 16. Vyshinskiy A.Ya. *Teoriya sudebnykh dokazatelstv v sovetском prave* [The theory of judicial evidence in the Soviet law]. Moscow, Yuridicheskoe izdatelstvo NKYu SSSR Publ., 1941. 218 p.
 17. Lebedev N.Yu., Stepanov S.A. Significance and problems of establishing the reliability and sufficiency of evidence in criminal proceedings. *Altayskiy yuridicheskiy vestnik*, 2022, no. 2, pp. 115–119.
 18. Bryanskaya E.V., Lantukh E.V., Khlystova N.B. Limits of proof and sufficiency in the light of the concept of key evidence in criminal proceedings in Russia. *Sbornik nauchnykh работ serii “Pravo”*, 2021, no. 4, pp. 215–227.
 19. Sinitsyn A.A. Features of assessment of sufficiency of proofs by court at a stage of trial in the first instance on criminal cases. *Zakon i pravo*, 2019, no. 7, pp. 122–126.
 20. Nikolaeva T.A. Testimony of the suspect, the accused as a source of evidence in the implementation of criminal prosecution. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 2020, no. 3, pp. 206–210.
 21. Lupinskaya P.A. Evidence and proof in the new criminal procedure. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2002, no. 7, pp. 5–8.
 22. Zubarev A.A. The institute of inadmissible evidence in the criminal process of Russia. *Nauchnyy portal MVD Rossii*, 2010, no. 1, pp. 39–43.
 23. Sutyagin K.I. Application of the fruit of the poisonous tree doctrine when evaluating the admissibility of evidence requires correction. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, no. 3, pp. 56–59.

On the evaluation of evidence of a suspect, accused in the Russian criminal procedure

© 2022

S.I. Vershinina, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, the Director of the Institute of Law
I.L. Vershinin, senior lecturer of Chair “Criminal Law and Procedure”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: suspect’s evidence; evidence of an accused; evidence evaluation; compulsion of evidence; participation of a defender; evidence inadmissibility.

Abstract: The paper critically evaluates the practice in the Russian criminal procedure when the pre-trial evidence of a suspect or accused beyond volition is included in the body of evidence and used when proving guilt. Having analyzed the factors influencing the estimation of evidence of a suspect or accused, the authors criticize the “double standard” established by law, which is used when evaluating evidence obtained in the presence of a defense lawyer or without one’s participation. The paper proves that the existing legal regulation enshrines different extent of procedural possibilities for the defense by an accused person of one’s interests defined by the presence or absence of a defense lawyer in the pre-trial procedure. Paradoxical as it may sound, when defending interests, the maximum damage is inflicted on those convicted who used the assistance of a defense lawyer during the pre-trial procedure. Having studied the Russian and international practice of evaluating the evidence of a suspect or accused and analyzed current Russian legislation, the authors identified the existing contradictions and proved the necessity to improve the Russian Federation Code of criminal procedure in terms of excluding the statements, which allow using the evidence not confirmed by an accused person given in the presence of a defender. Taking into account that the main disputes occur when evaluating so-called “admissions” of suspects or accused persons, the authors pay special attention to the study of this problem, including in the context of “the fruit of the poisonous tree” scientific doctrine recognized in Russia. The authors see the way out of the current contradiction in the leveling of the relevance of evidence of a suspect or accused in the cases when a suspect does not confirm it in court, regardless of whether a defender participated or not in an investigative interview.

Подкуп как форма коррупционного поведения

© 2022

Л.А. Маслова, судья Ленинского районного суда г. Курска,
соискатель кафедры уголовного права
Юго-Западный государственный университет, Курск (Россия)

Ключевые слова: подкуп; коррупция в спорте; оказание противоправного влияния; склонение; взятка.

Аннотация: В настоящее время феномен подкупа вызывает все больший интерес ряда исследователей, однако в научной и учебной литературе, а также в нормативных источниках до сих пор не существует единой точки зрения по вопросу толкования этого термина. В статье актуализируется необходимость изучения данного понятия путем выявления непоследовательности, противоречивости, казуистичности в изменениях уголовного закона за последние пять лет. Подкуп оценивается через такие аспекты, как общественная опасность, латентность, соотносимость и внутренняя согласованность нормативных актов. Определено, что подкуп представляет опасность не только для экономических отношений – объектом посягательства становится также нормальный порядок работы государственных органов и коммерческих структур, ряд конституционных прав граждан и даже жизнь человека. Латентность подкупа объясняется его согласительной, взаимовыгодной природой, отношениями, которые приобретают форму сделки. Относительно согласованности нормативных актов исследуются нормы регулятивного и охранительного (уголовного) законодательства на примере Федерального закона № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» и ст. 184 УК РФ «Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса». Так, дефиниция «оказание противоправного влияния», содержащаяся в наименовании ст. 184 УК РФ, заимствованная из Федерального закона № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», по содержанию уже, нежели в отраслевом законе. Аргументировано отсутствие необходимости фиксации понятия «подкуп» в ст. 110.1 УК РФ, в то время как отказ законодателя от использования данного термина в ст. 184 УК РФ оценивается критически. Предложены два варианта корректировки текста данной нормы.

ВВЕДЕНИЕ

Серьезным препятствием нормального развития любого современного общества является феномен коррупции, которая уже на протяжении не одного десятилетия выступает одной из главных угроз национальной безопасности России. Зародившись на заре становления нашего государства, коррупция сегодня приобрела огромные масштабы.

Одним из широко распространенных негативных коррупционных проявлений, характерных для многих сфер современной общественной жизни, является подкуп [1]. Сегодня данный термин получил огромную популярность среди политиков и представителей общественности, он активно фигурирует и по-разному толкуется в средствах массовой информации и институтах гражданского общества. Сложное по своей юридической природе понятие используется в различных смыслах, что, безусловно, говорит о его многоаспектности. В отдельных публикациях подкуп анализируется как способ совершения преступления [2], однако чаще данная уголовно-правовая категория рассматривается в рамках изучения конкретных составов преступлений. Так, одна группа ученых анализируют рассматриваемую дефиницию применительно к преступлениям против избирательных прав [3; 4], другой автор задается вопросом доказывания подкупа арбитра (третейского судьи) [5]. Наибольшее количество публикаций связано с коммерческим подкупом [6–8] и отдельными его проявлениями [9]. Подкуп изучается в этимологическом, уголовно-правовом, криминологическом [1] и социально-политическом аспектах [3; 5], анализируется эффективность наказуемости за подобный деликт [2]

и проблемы его расследования [4]. Накопленные научные знания указывают, с одной стороны, на непрекращающийся интерес к заявленной тематике, с другой стороны, многообразие взглядов свидетельствует об отсутствии целостной концепции «подкупных» преступлений.

Разноплановость данного понятия, изменения уголовного закона за последние несколько лет, несогласованность с нормами регулятивного законодательства указывают на актуальность данного исследования и требуют продолжения изучения в контексте подкупа как формы коррупционного поведения. В указанном аспекте данная дефиниция практически не исследовалась, но, как представляется, границы настоящего исследования позволяют дать рамочные подходы к решению указанной проблемы и на примере отдельных составов преступлений представить авторское видение коррупционного поведения в форме подкупа.

Цель работы – выделение характерных для подкупа критериев, позволяющих дать научно обоснованную оценку необходимости (либо отсутствия таковой) фиксации рассматриваемой дефиниции в отдельных статьях уголовного закона.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование проводилось путем рассмотрения трех аспектов, характеризующих подкуп как уголовно-правовую категорию. В работе применялись следующие методы:

– статистический метод и метод обобщения, позволившие установить ярко выраженный характер латентности «подкупных» преступлений;

- метод абстрагирования, давший возможность выделить характерные элементы подкупа в составах преступлений, находящихся в разных главах уголовного закона и, следовательно, охраняющих различные объекты;
- метод контент-анализа, позволивший выявить причины высокой латентности «подкупных» деликтов в сфере спорта;
- метод моделирования, давший возможность предложить пути решения отдельных проблем.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Об общественной опасности подкупа

Значимость выработки единой трактовки термина «подкуп» возрастает в связи с повышенной общественной опасностью данной формы коррупционного поведения, определяющейся не только самим фактом заведомо незаконного получения вознаграждения, но и вредоносным характером действий в пользу лица, дающего вознаграждение, либо представляемых им лиц. В связи с этим можно смело утверждать, что подкуп оказывает безусловное негативное воздействие на экономику страны. Как правило, оно проявляется не только в причинении ущерба внутренним интересам и авторитету той конкретной организации, в которой осуществляет те или иные функции получатель подкупа, но и в нарушении условий конкуренции, т. е. в причинении вреда третьим лицам, а значит, и экономике страны в целом. В свою очередь, невозможность равного участия в получении тех или иных благ на открытых конкурентных условиях, что является прямым следствием подкупа, разрушает сущность и размывает основные ценности правового государства [6; 7].

Следует отметить, что общественная опасность подкупа как уголовно-правовой категории не замыкается рамками преступных деликтов, где в диспозиции нормы фигурирует данная дефиниция: коммерческий подкуп (ст. 204, 204.1, 204.2 УК РФ), незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ч. 1 ст. 183 УК РФ предусматривает подкуп как один из способов деяния), подкуп участника государственных закупок, третейского судьи (ст. 200.5, 200.7 УК РФ). Получив широкое распространение во многих сферах и уровнях общественной жизни, подкуп стал восприниматься населением как привычное явление, как некая реальная возможность решить любой вопрос экономического, социального, правового и иного характера в обмен на определенные блага. Такое, на первый взгляд, безобидное поведение влечет за собой различные по характеру преступные последствия.

Так, изучение отдельных норм Особенной части УК РФ позволяет говорить о том, что в результате подкупа свидетеля, потерпевшего, эксперта, специалиста, переводчика (ст. 309 УК РФ) нарушается нормальный порядок объективного и справедливого расследования и рассмотрения дел в суде, подкуп в избирательной системе (п. «а», ч. 2 ст. 141 УК РФ, ч. 2 ст. 142 УК РФ) препятствует законной реализации конституционного права граждан избирать и быть избранным, провокация подкупа (ст. 304 УК РФ) нарушает нормальную деятельность органов, осуществляющих оперативно-розыск-

ную деятельность, подкуп органов государственной власти и местного самоуправления подрывает деловую репутацию как государственных служащих, так и управленцев в коммерческих организациях.

Комплексно оценивая общественную опасность преступлений, совершаемых путем применения подкупа, отметим, что она сводится не только к причинению или возможности причинения вреда общественным отношениям, охраняемым уголовным законодательством, но и к тому, что в результате их совершения происходит ущемление интересов личности, общества и государства либо создается реальная опасность причинения такого вреда. На сегодняшний день опасность подкупа как фактора дестабилизации установленного нормального порядка общественной жизни не вызывает сомнений, ведь в условиях свободных экономических отношений и открытости многих государственных структур даже одно лицо, имеющее право распоряжения в какой-либо области коммерческого или некоммерческого сектора, становясь «подкупаемым», способно не только причинить финансовый ущерб, но и нанести существенный моральный, психологический и иной вред огромному количеству законопослушных граждан.

Таким образом, значительная общественная опасность выступает одним из аспектов, определяющих социальную обусловленность законодательного закрепления запрета подкупа в уголовном праве.

О латентности подкупа

Другим аспектом является латентный характер рассматриваемого рода коррупционных нарушений. Как отмечается в литературе [9], проблема заключается в том, что обеим сторонам подкупа, как «дающему», так и «берущему», выгоден и удобен сложившийся порядок для достижения определенных целей. Иначе говоря, латентность подкупа объясняется его согласительной, взаимовыгодной правовой природой, отношениями, которые приобретают форму сделки.

О существовании немалой доли скрытой преступности в изучаемой сфере также говорят официальные статистические данные. Согласно сведениям, представленным судебным департаментом при Верховном Суде РФ, за последние пять лет число лиц, осужденных за преступления, непосредственно связанные с подкупом в коммерческих и иных организациях (для примера взяты три состава, предусмотренные ст. 204, 204.1, 204.2 УК РФ), стремится к минимуму.

Несмотря на официальный характер заявленных статистических сведений, стоит констатировать, что они далеко не объективно иллюстрируют реальную картину преступности. Представленное в таблице 1 общее количество осужденных лиц по рассматриваемой группе преступных деяний вряд ли соответствует общероссийским масштабам и никак не соотносится с масштабами взяточничества в государственном секторе. Полагаем, что при таком раскладе речь идет о наличии скрытой преступности, которая, по мнению большинства юристов и ученых-аналитиков, в среднем в четыре раза выше отчетных показателей [10; 11]. Считаем, однако, что в силу специфики коррупционной сферы реальные цифры намного выше. Так, оценивая латентный характер коммерческого подкупа, эксперты крайне критично подходят к имеющейся статистической

информации, полагая, что в распоряжении у официальных органов правопорядка находятся лишь около 9 % от всех реально совершаемых преступлений в исследуемой сфере [12].

Вопросы высокого уровня латентности подкупа, равно как и других коррупционных преступлений, на протяжении многих лет находятся под пристальным вниманием ряда представителей науки и практических работников. В исследованиях указываются такие причины латентности подкупа, как отсутствие законодательных формулировок, затрудняющих формирование доказательственной базы, недопустимость использования отдельных оперативных мероприятий ввиду отнесения ряда «подкупных» преступлений к категории преступлений небольшой тяжести, некое «опривычивание» населения по отношению к данному феномену [13–15]. Согласительная правовая природа подкупа, выступающего особой разновидностью сделки с наличием взаимных обязательств сторон, позволяет его участникам избегать внимания правоохранительных структур из-за отсутствия прямой потерпевшей стороны.

О юридической согласованности подкупа в уголовном законе

Третий важнейший компонент, определяющий социальную обусловленность уголовно-правового запрета подкупа, связан с согласованностью такого запрета с уже имеющимися в действующем уголовном законе установлениями. Речь идет о том, что любое вновь включаемое в уголовно-правовые отношения понятие должно не только обладать новизной (т. е. фактическим отсутствием урегулированности в уголовном законе), но и не создавать коллизий между отдельными институтами. Между уголовно-правовыми нормами должны существовать не противоречащие друг другу функциональные связи. Ярким примером обратного может стать введение в УК РФ в 2012 г. ст. 159.4 УК РФ, предполагающей пополнение перечня уголовно наказуемых деяний мошенничеством в сфере предпринимательской деятельности. Однако такое новшество оказалось непродуманным со стороны законодателя ввиду того, что явно нарушало принцип равенства, фактически предоставляя возможность назначать разное наказание за сходные акты мошенничества в особо крупном размере. Серьезные разногласия имелись и в регламентации размеров ущерба, которые в ст. 159 и 159.4 УК РФ существенно различались между собой. В результате в 2016 г. в соответствии с Федеральным законом от 03.07.2016 № 325-ФЗ статья, предполагавшая ответственность за «предпринимательское мошенничество», была признана утратившей силу.

Следует отметить, что нахождение подкупа в составах различных глав УК РФ в качестве запрещенного уголовно-правового деяния в целом не нарушает комплексного характера правового регулирования отрасли в целом и не противоречит уже имеющимся нормам. Диссонанс возникает, когда указанный термин фиксируется в качестве альтернативного признака «специального подстрекательства». Так, в ч. 1 ст. 110.1 УК РФ законодатель указывает на склонение к самоубийству, выраженное уговорами, предложениями, подкупом, обманом или иным способом. В тексте ч. 4 ст. 33 УК РФ склонение проявляется в форме уговора, подкупа,

угроз или другим способом. Возникает вопрос: зачем перегружать диспозицию ст. 110.1 УК РФ? Вряд ли подобный подход имеет какой-либо практический смысл, поэтому подобное перечисление, на наш взгляд, излишне.

В других случаях законодатель, заменяя универсальный термин «подкуп», использует развернутые формулировки. Так, ст. 184 УК РФ ранее называлась «Подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов», в 2013 г. термин «подкуп» был заменен на словосочетание «оказание противоправного влияния»¹, в 2016 г. в диспозиции статьи «подкуп» замещен равнозначным по смыслу, но емким по текстологии выражением «Передача... денег, ценных бумаг, иного имущества, а также оказание... услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав... в целях оказания противоправного влияния на результат...»².

Примечательно, что в регулятивном законодательстве «оказание противоправного влияния» включает подкуп, принуждение, склонение (п. 1 ч. 1 ст. 26.2 Федерального закона № 198-ФЗ³); «получение... денег, ценных бумаг, иного имущества, пользование... услугами имущественного характера, извлечение... других выгод и преимуществ» (п. 2 ч. 1 ст. 26.2 Федерального закона № 198-ФЗ); «использование, распространение и (или) предоставление полученной физическим лицом инсайдерской информации...» (п. 3 ч. 1 ст. 26.2 Федерального закона № 198-ФЗ); «непринятие мер по предотвращению конфликта интересов» (п. 4 ч. 1 ст. 26.2 Федерального закона № 198-ФЗ), т. е. имеет более масштабный характер. В уголовном законе речь идет фактически только о подкупе. За пределами уголовно-правовой охраны остаются незаконное распространение инсайдерской информации и непринятие мер по предотвращению конфликта интересов. Налицо несогласованность регулятивного и охранительного законодательств.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Из этой ситуации видится два выхода.

1. Соотнесение объема содержания дефиниции «оказание противоправного влияния» в ст. 26.2 Федерального закона № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» со ст. 184 УК РФ (поскольку ее наименование содержит данный лингвистический оборот). В этом случае в поле уголовно-правовой охраны войдут деяния, связанные с конфликтом интересов и противоправным использованием

¹ Федеральный закон от 23.07.2013 № 198-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О физической культуре и спорте в Российской Федерации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях предотвращения противоправного влияния на результаты официальных спортивных соревнований».

² Федеральный закон от 03.07.2016 № 324-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

³ Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 06.03.2022) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации».

Таблица 1. Число лиц, осужденных по ст. 204–204.2 УК РФ за 2017–2021 гг.⁴

Квалификация	Количество осужденных лиц				
	2017	2018	2019	2020	2021
Ст. 204 УК РФ «Коммерческий подкуп»	228	181	198	163	231
Ст. 204 ¹ УК РФ «Посредничество в коммерческом подкупе»	22	12	13	6	21
Ст. 204 ² УК РФ «Мелкий коммерческий подкуп»	35	15	15	7	14

инсайдерской информации. И если распространение инсайдерской информации может стать объектом уголовно-правовой охраны (при фактически наступивших негативных последствиях), то вряд ли оправданно охранять уголовно-правовыми средствами несоблюдение требований конфликта интересов.

2. Возращение диспозиции ст. 184 УК РФ к прежней редакции в части использования дефиниции «подкуп». В этом случае диспозиция ч. 1 ст. 184 УК РФ может быть сформулирована следующим образом:

«Подкуп спортсмена, спортивного судьи, тренера, руководителя спортивной команды, другого участника или организатора официального спортивного соревнования, а равно члена жюри, участника или организатора зрелищного коммерческого конкурса в целях оказания противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса, либо принуждение или склонение таких лиц к оказанию этого влияния, либо предварительный сговор с такими лицами в тех же целях, – наказывается...»

Следует признать, что вопрос формулировки диспозиции ст. 184 УК РФ имеет довольно опосредованное отношение к практике. За весь период существования данной статьи к уголовной ответственности по ней было привлечено два человека, но приговор в отношении них вынесен не был [16]. Несколько иные данные приводит Н.А. Лопашенко: «С 1997 по 2015 гг. было выявлено шесть преступлений (по одному в 1997, 1999, 2000, 2003, 2008, 2009 гг.)» [17, с. 218–219], однако альтернативные источники свидетельствуют о многочисленных фактах существования называемых «договорных матчей» (спортивных событий и конкурсов с заранее известным результатом) [18].

Так, контент-анализ СМИ и интернет-ресурсов показывает, что порядка 30 % публикаций посвящены «скандалам», подпадающим под признаки преступления, предусмотренного ст. 184 УК РФ. С помощью раздела «Новости» поисковой системы «Яндекс» были выбраны публикации, содержащие следующие фразы: «коррупция в спорте высоких достижений», «подкуп участников соревнований», «договорной матч». Выявлены такие информационные поводы, как законодательская инициатива, работа букмекеров, медийные личности. Анализ публикаций свидетельствует, что большинство из них носит информационный либо информационно-аналитический характер. Модальность преимущественно имеет отрицательную окраску. Чаще всего публикации представляют собой вторичные данные, т. е. за основу новости берется первичная инфор-

мация, либо полученная из официальных государственных органов в совокупности с информацией, размещаемой на официальных интернет-порталах спортивных организаций или агентств, либо представляющая собой копирование уже размещенного в сети контента (более 90 %) с небольшими визуальными различиями.

Как видится, причины отсутствия уголовно-правовой реакции на «договорные матчи» кроются не только и не столько в несовершенстве уголовного законодательства. Свою роль играет возможность репутационных потерь, а также наличие ряда специфических мер, например дисквалификация, признание «лицом нежелательным для целей деятельности». Тем не менее «эффективный уголовный закон является одним из главных факторов стабилизации и удержания преступности на приемлемом для общества уровне, недопущения ее роста» [19, с. 28] Об этом говорят и другие исследователи [20]. Поэтому рассматриваемая норма в первую очередь направлена на предупреждение коррупционных проявлений в сфере спорта и конкурсной деятельности, а ее эффективность зависит от ряда обстоятельств, в том числе законности и понятности используемых в тексте закона формулировок.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Подводя итог, следует отметить следующее.

Деяниям, содержащим в составе преступления признаки подкупа, необходим обязательный уголовно-правовой запрет, за которым стоит сила государственного принуждения. Подобное суждение подтверждается не только изложенными ранее аргументами, связанными с общественной опасностью подкупа, его латентностью и т. д., но и существующими приоритетами в развитии России, в числе которых находится «совершенствование антикоррупционной системы».

Проблема конструирования единого общего определения «подкуп» на сегодняшний день особенно актуальна. Выделение подкупа из общей массы коррупционных преступлений и «вычленение» сходных признаков в реальных преступлениях позволят формировать единообразную практику и определить обоснованность использования данного понятия в отдельных статьях уголовного закона. Однако, как уже было отмечено, правовая природа подкупа не ограничивается только коммерческой сферой и распространяется на более широкий круг охраняемых уголовным правом общественных отношений.

⁴ Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2017–2021 гг. // Официальный сайт судебного

департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6121>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фоменко Е.В. Подкуп как наиболее общественно опасное проявление коррупции // Закон и право. 2021. № 9. С. 105–109. DOI: [10.24412/2073-3313-2021-9-105-109](https://doi.org/10.24412/2073-3313-2021-9-105-109).
2. Сирик М.С. Актуальные проблемы квалификации деяний, содержащих признаки преступления, предусмотренного Ст. 204.2 (мелкий коммерческий подкуп) Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2020. № 4. С. 113–118. DOI: [10.25586/RNU.V9276.20.04.P.113](https://doi.org/10.25586/RNU.V9276.20.04.P.113).
3. Дегтерев А.А. Уголовно-правовая характеристика подкупа избирателей как условия совершения преступления // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 6. С. 96–101.
4. Юдин А.В., Трещева Е.А. Проблемы доказывания объективной стороны подкупа арбитра (третейского судьи) // Юрист. 2022. № 1. С. 67–73.
5. Грогуленко Л.В. Юридическая ответственность за подкуп избирателей на выборах // Пролог: журнал о праве. 2019. № 2. С. 43–47.
6. Морозова А.А., Динка В.И. К вопросу о соотношении объективного и субъективного вменения при посредничестве в коммерческом подкупе // Вестник Академии права и управления. 2021. № 4. С. 54–59. DOI: [10.47629/2074-9201_2021_4_54_59](https://doi.org/10.47629/2074-9201_2021_4_54_59).
7. Быкова Е.Г., Яшков С.А. О возможности привлечения к уголовной ответственности за получение коммерческого подкупа арбитражного управляющего коммерческой организации // Российское правосудие. 2019. № 11. С. 82–88. DOI: [10.17238/issn2072-909X.2019.11.82-88](https://doi.org/10.17238/issn2072-909X.2019.11.82-88).
8. Морозова А.А. Уголовно-правовой анализ посредничества в коммерческом подкупе // Криминологический журнал. 2020. № 2. С. 101–106. DOI: [10.24411/2687-0185-2020-10040](https://doi.org/10.24411/2687-0185-2020-10040).
9. Миронова Г.Н. Общественная опасность мелкого коммерческого подкупа // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 1. С. 8–11.
10. Зварыгин В.Е., Кондаков А.С. Уголовно-правовые проблемы привлечения к ответственности за преступления коррупционной направленности на примере коммерческого подкупа // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2021. Т. 31. № 4. С. 647–653.
11. Некрасов А.П. Вновь к вопросу о латентной (скрытой) преступности // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2017. Т. 1. № 3. С. 112–117.
12. Левченко П.И. Криминологическая и уголовно-социологическая характеристики коммерческого подкупа // Юрист-Правовед. 2014. № 5. С. 121–124.
13. Богдановский М.А. Проблема защиты интересов лиц, подвергнувшихся вымогательству взятки или предмета коммерческого подкупа // Гуманитарный научный вестник. 2021. № 12. С. 264–273. DOI: [10.5281/zenodo.5833545](https://doi.org/10.5281/zenodo.5833545).
14. Степанова Е.Е. Мелкое взяточничество и его отличия от мелкого коммерческого подкупа // Российский следователь. 2021. № 11. С. 66–68.
15. Миронова Г.Н. Общественная опасность мелкого коммерческого подкупа // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 1. С. 8–11.
16. Алексеева А.П., Иванов А.С. Обзор изменений в антикоррупционном законодательстве // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 3. С. 91–96.
17. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ: в 2 ч. Ч. 2. М.: Юрлитинформ, 2015. 640 с.
18. Беляева И.М., Евстратенко Е.В., Красуцких Л.В. Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования как проявление коррупции // Человек. Спорт. Медицина. 2022. Т. 22. № S1. С. 142–147.
19. Анцыгин А.В. Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса (ст. 184 УК РФ): исследование последних законодательных изменений // Спорт: экономика, право, управление. 2015. № 2. С. 28–31.
20. Фоменко Е.В. Об общем понятии состава преступления, связанного с подкупом: обоснование необходимости его введения в научный оборот // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 1. С. 151–168.

REFERENCES

1. Fomenko E.V. Bribery as the most socially acceptable a dangerous manifestation of corruption. *Zakon i pravo*, 2021, no. 9, pp. 105–109. DOI: [10.24412/2073-3313-2021-9-105-109](https://doi.org/10.24412/2073-3313-2021-9-105-109).
2. Sirik M.S. Actual problems of qualification of acts containing signs of a crime under article 204.2 (small commercial bribery) of the Criminal Code of the Russian Federation. *Vestnik Rossiyskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek i obshchestvo*, 2020, no. 4, pp. 113–118. DOI: [10.25586/RNU.V9276.20.04.P.113](https://doi.org/10.25586/RNU.V9276.20.04.P.113).
3. Degterev A.A. Criminal-legal characteristics of bribery of voters as a condition for committing a crime. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2019, no. 6, pp. 96–101.
4. Yudin A.V., Treshcheva E.A. Problems of proving of the objective element of arbitrator (referee) bribing. *Yurist*, 2022, no. 1, pp. 67–73.
5. Grogulenko L.V. Legal responsibility for bribery of voters during elections. *Prolog: zhurnal o prave*, 2019, no. 2, pp. 43–47.
6. Morozova A.A., Dineka V.I. To the question of the ratio of objective and subjective imputation in the implementation of criminal liability for mediation in commercial bribery. *Vestnik Akademii prava i upravleniya*, 2021, no. 4, pp. 54–59. DOI: [10.47629/2074-9201_2021_4_54_59](https://doi.org/10.47629/2074-9201_2021_4_54_59).
7. Bykova E.G., Yashkov S.A. About the possibility of bringing to criminal liability for commercial bribery liquidator of a commercial organization. *Rossiyskoe pravosudie*, 2019, no. 11, pp. 82–88. DOI: [10.17238/issn2072-909X.2019.11.82-88](https://doi.org/10.17238/issn2072-909X.2019.11.82-88).
8. Morozova A.A. Legal analysis mediation in commercial bribery. *Kriminologicheskii zhurnal*, 2020, no. 2, pp. 101–106. DOI: [10.24411/2687-0185-2020-10040](https://doi.org/10.24411/2687-0185-2020-10040).
9. Mironova G.N. The social danger of petty commercial bribery. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii*, 2019, no. 1, pp. 8–11.
10. Zvarygin V.E., Kondakov A.S. Criminal legal problems of bringing to responsibility for corruption-related

- crimes on the example of commercial bribery. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo*, 2021, vol. 31, no. 4, pp. 647–653.
11. Nekrasov A.P. Again the question of latent (hidden) crime. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*, 2017, vol. 1, no. 3, pp. 112–117.
 12. Levchenko P.I. Criminological and criminal sociological characteristics of commercial bribery. *Yurist-Pravoved*, 2014, no. 5, pp. 121–124.
 13. Bogdanovskiy M.A. The problem of protecting the interests of persons who have been subjected to extortion of bribes or the subject of commercial bribery. *Gumanitarnyy nauchnyy vestnik*, 2021, no. 12, pp. 264–273. DOI: [10.5281/zenodo.5833545](https://doi.org/10.5281/zenodo.5833545).
 14. Stepanova E.E. Petty bribery and its difference from petty commercial bribery. *Rossiyskiy sledovatel*, 2021, no. 11, pp. 66–68.
 15. Mironova G.N. The social danger of petty commercial bribery. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii*, 2019, no. 1, pp. 8–11.
 16. Alekseeva A.P., Ivanov A.S. The review of the modification in the anti-corruption legislation. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*, 2016, no. 3, pp. 91–96.
 17. Lopashenko N.A. *Prestupleniya v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti: teoreticheskiy i prikladnyy analiz* [Crimes in the sphere of economic activity: theoretical and applied analysis]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2015. Ch. 2, 640 p.
 18. Belyaeva I.M., Evstratenko E.V., Krasutskikh L.V. Illegal influence on the outcome of an official sporting event as corruption. *Chelovek. Sport. Meditsina*, 2022, vol. 22, no. S1, pp. 142–147.
 19. Antsygin A.V. Producing illegal impact on the official sport competition or entertaining commercial competition (article 184 of the Criminal Code of the RF): study of the latest legislative changes. *Sport: ekonomika, pravo, upravlenie*, 2015, no. 2, pp. 28–31.
 20. Fomenko E.V. On the general concept of bribery crime: the rationale for the need of its introduction into scientific nomenclature. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2019, no. 1, pp. 151–168.

Bribery as a form of corrupt behavior

© 2022

L.A. Maslova, Leninsky District Court judge of Kursk, external PhD student of Chair of Criminal Law
Southwest State University, Kursk (Russia)

Keywords: bribery; sport corruption; unlawful influence; inducement; bribe.

Abstract: Currently, the phenomenon of bribery is of increasing interest to some researchers though there is no single interpretation of this concept in scientific and educational literature, as well as in regulatory documents. The paper emphasizes the necessity of studying this definition by revealing inconsistency and casuistry in the changes in criminal law over the past five years. In the work, bribery is assessed through such aspects as a public danger, latency, comparability, and internal consistency of laws and regulations. Bribery is dangerous not only for economic relations, it can affect the functioning of government bodies and commercial structures, some constitutional rights of citizens, and even human life. The latency of bribery is explained by its conciliatory, mutually beneficial nature, relations that take the form of a transaction. Regarding the consistency of regulatory documents, the norms of regulatory and protective (criminal) legislation are studied on the example of the Federal Law “On Physical Culture and Sports in the Russian Federation” and Article 184 of the Criminal Code of the Russian Federation. Thus, the definition of “exerting unlawful influence” contained in the title of Article 184 of the Criminal Code of the Russian Federation, and borrowed from the Federal Law “On Physical Culture and Sports in the Russian Federation”, is narrower in content than in the sectoral law. Arguments are presented on the lack of necessity to fix the concept of bribery in Article 110.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, while the refusal of the legislator to use this term in Article 184 of the Criminal Code of the Russian Federation is critically evaluated. The author proposes two options for correcting the text of this regulatory provision.

Рецензия

на монографию «Проблемы взаимодействия юридической ответственности и механизма обеспечения национальной безопасности» /

Д.А. Липинский, Н.В. Макарейко, А.А. Мусаткина [и др.];

под ред. Д.А. Липинского. М.: РИОР, 2021. 387 с. ISBN: 978-5-369-02078-4

© 2022

Г.Б. Романовский, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного права
Пензенский государственный университет, Пенза (Россия)

Рецензируемая монография «Проблемы взаимодействия юридической ответственности и механизма обеспечения национальной безопасности» посвящена использованию потенциала юридической ответственности в сфере обеспечения национальной безопасности. Монография подготовлена авторским коллективом в составе докторов юридических наук, профессоров Д.А. Липинского, Н.В. Макарейко, А.А. Фомина и кандидатов юридических наук, доцентов А.А. Мусаткиной, Е.В. Чукловой, А.Н. Станкина. Данная работа является продолжением опубликованной в 2020 году монографии Д.А. Липинского, А.В. Малько, А.А. Мусаткиной и др. «Национальная безопасность: юридическая ответственность и безответственность: проблемы механизма взаимодействия и системных связей», выступая по своей сути второй книгой научной диалогии.

Необходимость предпринятого исследования предопределена местом, значением и ролью юридической ответственности в механизме обеспечения национальной безопасности и обусловлена современным состоянием общественных отношений, уровнем развития социума, тенденциями формирования законодательства, позитивными и негативными факторами, действующими в отечественной правовой системе. В настоящее время наблюдается количественный и качественный рост правонарушаемости, значительное увеличение числа техногенных катастроф, обусловленных безответственностью субъектов общественных отношений, транснациональный характер преступных группировок, коррупция и другие негативные явления, создающие угрозы национальной безопасности. При этом во многом такое состояние обусловлено юридической безответственностью субъектов права, как государственных и муниципальных служащих, так и обычных граждан, не наделенных данным правовым статусом.

Не последняя роль в минимизации, нейтрализации и устранении угроз национальной безопасности отводится юридической ответственности. Рассматриваемая монография направлена на разрешение задачи нейтрализации юридической безответственности и юридического обеспечения национальной безопасности, а также на разработку системы мер юридической ответственности, призванных нейтрализовать или минимизировать угрозы национальной безопасности.

Эта задача неразрешима путем исследования юридической ответственности изолированно от механизма обеспечения национальной безопасности. Разрешить ее

возможно только в рамках данной системы, во взаимосвязях с иными элементами, которые показывают, как они дополняют и взаимообеспечивают друг друга. Соответственно, сбой в одном элементе сложного механизма приводит к сбою в других элементах. Кроме того, в основе функционирования практически всех элементов национальной безопасности находится правовая основа, в том числе юридическая ответственность, а юридическая безопасность выступает составной частью национальной безопасности.

Учитывая наличие значительного разнородного инструментария, который используется в ходе обеспечения национальной безопасности, авторы монографии сфокусировали свое внимание на таком важном методе, как юридическая ответственность. Подобный выбор вполне логичен и обусловлен потенциалом данного вида социальной ответственности и государственного принуждения. Невзирая на наличие существенного доктринального внимания к вопросам юридической ответственности в сфере национальной безопасности, данную тему нельзя признать исчерпанной. Изменение угроз национальной безопасности, высокая динамика законодательства, противоречивая правоприменительная практика, наличие юридических ошибок в ходе применения юридической ответственности в данной сфере требуют дополнительного осмысления объекта исследования, избранного авторским коллективом рецензируемой монографии.

Характеризуя работу в целом, следует отметить, что одним из основных результатов исследования выступило определение места, роли и значения юридической ответственности в механизме обеспечения национальной безопасности, развитии теории национальной безопасности в целом и юридической безопасности в частности, во взаимосвязи с юридической безответственностью, а также построение теоретической модели механизма взаимодействия юридической ответственности с юридической безопасностью и иными видами национальной безопасности.

Авторами выявлены следующие стадии механизма обеспечения национальной безопасности: формулирование национальных интересов, защита которых будет обеспечиваться; выявление и прогнозирование внутренних и внешних угроз жизненно важным интересам личности, общества и государства; выработка системы мер по противодействию угрозам; нейтрализация угроз; осуществление мер по восстановлению нормального функционирования объектов безопасности.

С позиции структурной организации в работе были отражены вопросы взаимодействия юридической ответственности и национальной безопасности. Предметом авторского внимания выступили безответственность и правонарушения как наиболее актуальные угрозы национальной безопасности. Основной объем монографии посвящен характеристике взаимосвязи юридической ответственности с такими составными элементами национальной безопасности, как безопасность личности, государственная, экологическая, техногенная, экономическая, военная, информационная виды безопасности.

Обращает на себя внимание то, что далеко не все виды национальной безопасности были исследованы в одинаковой мере, в том числе с позиции их обеспечения посредством юридической ответственности. Так, государственная безопасность в настоящее время оказалась на периферии доктринального внимания, что нельзя назвать оправданным. Хотя на страницах монографии получили освещение другие виды национальной безопасности, это не может считаться аргументом в пользу отказа от рассмотрения данных вопросов.

Содержание монографии органически вписывается в существующую российскую доктрину обеспечения национальной безопасности. Наряду с этим оно включает в себе определенную новизну. В первой главе рассмотрены общие вопросы взаимосвязи юридической ответственности и национальной безопасности. Предметом самого пристального исследовательского внимания выступил институт юридической ответственности в сфере национальной безопасности. Был сделан вывод, что национальной безопасности присущ собственный механизм обеспечения, который выступает в качестве составного элемента государственно-правового механизма (с. 53).

Существенным познавательным потенциалом обладает вторая глава, где безответственность и правонарушения рассмотрены в качестве угрозы для действия механизма обеспечения национальной безопасности. Представляется оправданным подход авторов, сосредоточивших свое внимание на правонарушениях, посягающих на национальную безопасность. Авторы использовали потенциал ретроспективного анализа, что позволило увидеть как новизну, так и преемственность в определении объекта правоохраны. Наряду с правонарушениями в качестве угрозы национальной безопасности рассмотрена безответственность. Не вызывает возражений позиция авторов, что существует необходимость структурного обособления в законодательстве гражданско-правовых, административных, финансово-правовых и иных разновидностей правонарушений, посягающих на национальную безопасность (с. 80). Третья глава посвящена исследованию взаимосвязи безопасности личности и юридической ответственности. Рассмотрение данного вопроса следует признать оправданным. Традиционно исследовательское внимание фокусируется на макроуровне обеспечения национальной безопасности. Такой подход приводит к тому, что безопасности отдельной личности не

уделяется должного внимания. Следует согласиться с тем, что использование потенциала механизма юридической ответственности призвано «обеспечить безопасность личности в обществе и государстве» (с. 120).

Последующие главы монографии посвящены характеристике обеспечения отдельных видов (государственной, экологической, техногенной, экономической, военной, информационной) национальной безопасности посредством потенциала юридической ответственности. При этом используется единый алгоритм исследования, когда рассматривается существенная характеристика соответствующего вида национальной безопасности. В дальнейшем исследуется государственно-правовой механизм ее обеспечения. Главу завершает модель взаимодействия механизма юридической ответственности и механизма соответствующего вида национальной безопасности.

Содержание монографии отличается новизной, что обусловлено использованием нормативных правовых новелл, материалов высших органов судебной власти и специальной литературы. При этом авторы монографии не оказались заложниками устоявшихся догм, а сформулировали ряд предложений, которые носят инновационный характер и в случае задействования субъектами правотворческой и правоприменительной деятельности окажут позитивное влияние на обеспечение национальной безопасности посредством юридической ответственности.

Монографию отличает ясный и доступный язык, стиль изложения материала убедителен. В каждой отдельной главе читатель получает ответы на актуальные вопросы использования потенциала юридической ответственности в сфере национальной безопасности. При этом многие вопросы актуализируют исследовательский интерес и в этой связи могут быть побудительными факторами для продолжения творческого исследования заявленной проблематики.

В аннотации отмечено, что монография предназначена для широкой аудитории: научных сотрудников, преподавателей, различных категорий обучающихся. С уверенностью можно сказать, что она найдет своих взыскательных читателей и будет способствовать активизации внимания к заявленной проблематике, а также будет полезна в ходе нормативного правового и правоприменительного обеспечения национальной безопасности с широким использованием юридической ответственности.

Подводя итог, следует добавить, что скрупулезная и добросовестная проработка теоретического и фактического материала, задействование значительного научно-справочного аппарата с учетом авторской позиции позволяют сделать заключение, что монография «Проблемы взаимодействия юридической ответственности и механизма обеспечения национальной безопасности» представляет собой квалифицированный и завершенный научный труд, является своевременной и актуальной. Можно констатировать, что книга оказалась востребованной научным сообществом, так как в 2022 году вышло ее второе издание.

The review

of monograph “The problems of interaction of legal responsibility
and the mechanism of ensuring national security” /

D.A. Lipinsky, N.V. Makareiko, A.A. Musatkina [and others];

edited by D.A. Lipinsky. M.: RIOR, 2021. 387 p. ISBN: 978-5-369-02078-4

© 2022

G.B. Romanovsky, Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of Chair of Criminal Law
Penza State University, Penza (Russia)

НАШИ АВТОРЫ

Ангипова Наталья Фаритовна, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс».
Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: angipowa@yandex.ru

Боброва Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры «Конституционное и административное право», заслуженный юрист РФ.
Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: bobrovana@mail.ru

Вершинин Иван Леонидович, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс».
Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: svetlana-vershinina@yandex.ru

Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент, директор Института права.
Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: svetlana-vershinina@yandex.ru

Данилина Наиль Журабековна, следователь отдела по расследованию преступлений,
совершенных на территории Автозаводского района.
Адрес: Следственное управление Управления Министерства внутренних дел России по г. Тольятти,
445039, Россия, г. Тольятти, ул. Дзержинского, 15.
E-mail: nailyaulabka@gmail.com

Маслова Лоретта Анатольевна, судья Ленинского районного суда г. Курска,
соискатель кафедры уголовного права.
Адрес: Юго-Западный государственный университет,
305040, Россия, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94.
E-mail: maslovaloretta@gmail.com

Романовский Георгий Борисович, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного права.
Адрес: Пензенский государственный университет,
440026, Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40.
E-mail: vlad93@sura.ru

Сошников Валентин Викторович, консультант секретариата фракции.
Адрес: Самарская Губернская Дума,
443100, Россия, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 187.
E-mail: soshnikoff.valentin@yandex.ru

OUR AUTHORS

Angipova Natalia Faritovna, senior lecturer of Chair “Criminal Law and Procedure”.

Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: angipowa@yandex.ru

Bobrova Natalya Alekseevna, Doctor of Sciences (Law), Professor, professor of Chair “Constitutional and Administrative Law”, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: bobrovana@mail.ru

Danilina Nailya Zhurabekovna, investigator of the Department for Investigation of Crimes Committed in the Territory of the Avtozavodsky District.

Address: Criminal Investigation Division of the Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Togliatti,
445039, Russia, Togliatti, Dzerzhinsky Street, 15.
E-mail: nailyaulabka@gmail.com

Maslova Loretta Anatolyevna, Leninsky District Court judge of Kursk, external PhD student of Chair of Criminal Law.

Address: Southwest State University, 305040, Russia, Kursk, 50 Let Oktyabrya Street, 94.
E-mail: maslovaloretta@gmail.com

Romanovsky Georgy Borisovich, Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of Chair of Criminal Law.

Address: Penza State University,
440026, Russia, Penza, Krasnaya Street, 40.
E-mail: vlad93@sura.ru

Soshnikov Valentin Viktorovich, Faction Secretariat Counselor.

Address: Samara Regional Duma,
443100, Russia, Samara, Molodogvardeyskaya Street, 187.
E-mail: soshnikoff.valentin@yandex.ru

Vershinin Ivan Leonidovich, senior lecturer of Chair “Criminal Law and Procedure”.

Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: svetlana-vershinina@yandex.ru

Vershinina Svetlana Ivanovna, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, the Director of the Institute of Law.

Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: svetlana-vershinina@yandex.ru